
СПЕЦИАЛЬНАЯ СЕКЦИЯ. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ В МИРЕ

От редакции. В этом номере мы начинаем публиковать статьи по последним (2024–2026 гг.) революционным событиям в мире. Публикация таких статей будет продолжена в третьем и четвертом номерах журнала за текущий год.

Во втором номере публикуются статьи о революционных событиях в Мадагаскаре, Эфиопии и Грузии. В следующих номерах будут опубликованы статьи о революционных событиях в Непале, Того, Марокко, Танзании и Индонезии.

Л. Е. ГРИНИН, А. В. КОРОТАЕВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЛНЫ XXI СТОЛЕТИЯ ИЛИ НАЧАЛО НОВОЙ, ЧЕТВЕРТОЙ ВОЛНЫ?*

Настоящая статья является вводной к циклу статей о последних революционных событиях в мире. В ней будут затронуты вопросы, связан-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535-П «Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе»).

Для цитирования: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2026. Продолжение третьей революционной волны XXI столетия или начало новой, четвертой волны? *История и современность* 2: 88–144. DOI: 10.30884/iis/2026.02.04.

For citation: Grinin, L. E., Korotaev, A. V. 2026. The Continuation of the Third Revolutionary Wave of the 21st Century or the Beginning of a New, Fourth Wave? *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 2: 88–144 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2026.02.04.

История и современность, № 2, июнь 2026 88–144

DOI: 10.30884/iis/2026.02.04

ные с теорией революции и методологией приложения этой теории к конкретным революционным случаям. А такое приложение является весьма сложным и творческим делом. Статья также представляет обзор революционного процесса XXI столетия. Авторы показывают его связь с крупнейшими мир-системными процессами и в целом с трансформацией мирового порядка. Особое внимание уделяется революционному процессу последних лет, показывается, что революционный процесс все заметнее сдвигается в направлении периферии и глубокой периферии Мир-Системы, а страны Глобального Юга становятся основным театром революционных событий. Анализируются причины такого сдвига. Показывается, что это происходит по многим причинам, но в целом потому, что в процессе модернизации они достигают такого уровня развития, на котором революционные движения становятся если не неизбежными, то исключительно вероятными. Отдельно анализируется состав участников протестов последних лет. Статья позволит читателю глубже понять революционные кейсы, рассмотренные авторами статей, некоторые тенденции современности, особенности построения представленных статей, используемой ими методологии и фокусировки при анализе событий. Наконец, статья позволяет поставить существенный и актуальный вопрос о том, являются ли описанные авторами дальнейших представленных работ события продолжением идущей с 2018 г. волны революций или можно говорить о начале новой – четвертой в XXI столетии – революционной волны.

Ключевые слова: Глобальный Юг, революции, революционные события, революционный эпизод, революционная эпоха, поколение зумеров, Африка, молодежь, социальные сети.

Введение

В 2023 г. журнал «История и современность» опубликовал подборку статей о революционных событиях в мире (см. № 3/2023). Этой специальной секции предшествовала наша методологическая статья (Гринин, Коротаев 2023). В 2026 г. мы решили продолжить ранее начатую работу. С настоящего номера мы начинаем публиковать статьи по последним (2024–2026 гг.) революционным событиям. Поскольку к ним также необходима вступительная статья, мы ее представляем. Однако, так как статьи будут публиковаться в трех номерах, возможно, будет и заключительная статья.

Существенно, что все статьи написаны молодыми исследователями, которые работали в целом в одной научной парадигме и по одной научной методике, о которой подробно будет сказано ниже. Мы уже в течение шести лет сотрудничаем с молодыми авторами

в направлении анализа революционных событий¹. Это позволяет охватить большое количество революционных эпизодов, на многие из которых, к сожалению, политологи – как в России, так и за рубежом – обращают мало внимания, либо они и вовсе выпадают из научного анализа. Между тем это важные и интересные с точки зрения современного политического процесса, а также теории революций кейсы. Отметим к тому же, что у молодых исследователей нередко проявляется интересный и необычный взгляд на события, что приносит анализу дополнительную пользу.

Революционные события, анализу которых посвящены публикуемые статьи, имеют ряд сходств, что дает еще одно основание объединить их. Как мы скажем ниже, все они касаются стран Глобального Юга, периферии или даже дальней периферии Мир-Системы, которая в результате продолжающейся модернизации «подросла» до революционных волнений. Во вступительной статье будут затронуты вопросы, связанные с теорией революции. Речь идет прежде всего о положениях этой теории, которые авторы используют в своем анализе с существенными уточнениями, формулирующимися в результате новых событий. Также мы дадим обзор той методологии, которую авторы использовали для анализа конкретных революционных случаев. Важно отметить, что хотя собственно революционная теория в мировой политологии и социологии продолжает развиваться, однако, по признанию многих социологов (с чем мы согласны), движение вперед стало буксовать (см., например: Beck *et al.* 2022). Развитию же методологии приложения теории революции к анализу революционных кейсов, особенно на периферии Мир-Системы, уделяется до обидного мало внимания. Между тем такое приложение является не только весьма сложным и творческим делом, но и едва ли не единственным способом создания высокопрофессиональных текстов².

Статья помогает сделать краткий обзор современного революционного процесса, показать, куда, как и почему сдвигается направ-

¹ Ознакомиться с этими событиями в полном объеме можно в специальных выпусках ежегодника «Системный мониторинг глобальных и региональных рисков» (Гринин, Коротаев, Быканова 2020, 2021, 2022, 2023; Гринин, Коротаев, Хайруллин 2024; Гринин, Коротаев 2025б), где есть разделы по революциям.

² Наш анализ развития революционной теории в последнее время см.: Гринин, Коротаев 2025а; Коротаев, Гринин и др. 2025; Grinin, Korotayev 2024a, 2024b; Korotayev, Grinin *et al.* 2025; Grinin 2022b, 2022g, 2022h.

ление революционного вектора. Как мы скажем ниже, наблюдается явный тренд на движение революционного процесса из центра и ближней периферии Мир-Системы в дальнюю, в том числе в африканские страны. Ниже будут даны характеристики трех революционных волн XXI столетия, в процессе анализа которых этот тренд станет яснее. Представленная подборка и вводная статья показывают, что именно страны Глобального Юга становятся основным театром революционных событий, поскольку в процессе модернизации достигают такого уровня развития, на котором революционные движения становятся если не неизбежными, то исключительно вероятными.

В настоящей статье мы немного коснемся также состава участников протестов, в частности участия в протестах поколения зумеров. В целом мы надеемся, что статья позволит читателю глубже понять революционные кейсы, представленные авторами, некоторые тенденции современности, особенности построения статей и фокусировки авторов при анализе событий. Наконец, вводная статья позволяет поставить существенный и актуальный вопрос о том, являются ли описанные авторами последующих статей события продолжением идущей с 2018 г. волны революций или можно говорить о начале новой революционной волны.

В первом разделе статьи мы дадим характеристики трех революционных волн XXI столетия; во втором – сравним описанные события с теорией революционных волн и сделаем некоторые важные выводы относительно природы революционных волн и в целом революционного процесса XXI столетия, остановимся на особенностях так называемых цветных революций. В третьем разделе будут даны некоторые определения революционных событий, типы которых исследуют наши авторы, а также подробно рассмотрено понятие «революционная ситуация». В четвертом разделе мы разберем методологическую систему, из которой исходили авторы, что поможет читателю лучше понять их логику и структуру статей. Наконец, в пятом и шестом разделах анализируются вопросы географии и общие черты всех анализируемых революционных событий, обсуждаются аспекты участия в них поколения зумеров. Мы уточним, может ли участие молодежи в революционных протестах рассматриваться как нечто специфическое или это обычное явление для такого рода событий. Также дискутируется вопрос о том,

продолжается ли третья революционная волна или она закончилась и начинается новая, четвертая. В статье приведено также Приложение, в котором рассказывается о революционном символе событий 2025 г.

1. О волнах XXI столетия

Революционная активность в мире в XXI столетии достаточно велика. При этом очень большая часть революционных событий укладывается в три революционные волны, которые мы выделили в XXI столетии.

Первая волна – это цветные революции 2000–2009 гг. Вторая волна – революции «арабской весны» 2010/2011–2013 гг. Третья волна, с 2018 г. по настоящее время, – незавершенная. Все волны были связаны с очень крупными мир-системными событиями.

Мир в настоящее время испытывает чрезвычайно серьезные трансформации; этот процесс мы назвали реконfigurацией Мир-Системы и посвятили ему целый ряд своих работ (Grinin, Korotayev 2012, 2015; Гринин 2012, 2020a, 2023; Grinin A., Grinin L. 2024; Гринин А. Л. 2025a). Полезно отметить, что реконfigurация Мир-Системы началась после второй волны (Grinin, Korotayev 2012). При этом в связи с реконfigurацией Мир-Системы мы ожидаем, что число революций и их роль в трансформации Мир-Системы не только не снизятся значительно, но в некоторых отношениях, скорее всего, даже вырастут. Революции в этом плане будут составляющей общего потока трансформации и реконfigurации Мир-Системы и мирового порядка (подробнее см.: Гринин 2021; Grinin 2022d; Grinin, Korotayev 2022c).

Почему мы связываем революционный процесс с реконfigurацией Мир-Системы? Реконfigurация означает глубокий структурный кризис, который проявляется в том числе разными видами конфликтности и дестабилизации. Поскольку кризис в Мир-Системе носит структурный характер, то и революции случаются в связи с обнаружением очередных слабых мест в ее структуре, а также в связи с ростом значения Глобального Юга. Очередные точки кризиса влияют на активизацию революционного процесса в настоящее время и будут влиять в будущем.

В каждой революции важнейшими являются собственные причины, которые необходимо вскрывать; как это можно сделать, читатель увидит в публикуемых статьях. Но в мир-системном плане

можно выделить несколько причин. Это: (1) растущая связанность обществ Мир-Системы, несмотря даже на откат глобализации в последнее десятилетие; (2) реконфигурация Мир-Системы, которая усиливает внутренние кризисы; (3) трансформация мирового порядка, усиливающая турбулентность и конфликтность, борьбу крупных игроков за влияние в мире; (4) все большее использование революций как геополитического оружия, особенно под лозунгами продвижения демократии, борьбы с коррупцией и т. п. (см. ниже о цветных революциях); (5) рост значения Глобального Юга (периферии Мир-Системы) при ускорении модернизации во многих, особенно африканских, странах. А модернизация – это период повышенного риска революций и дестабилизации (см. ниже), включая и стремление к независимости провинций многих государств. Статья Х. Сингха и Г. Р. Гончаренко (2026) в этом номере хорошо иллюстрирует подобные явления в многоэтничных государствах, каким является Эфиопия.

Рассмотрим теперь указанные волны подробнее³. Анализ трех волн поможет читателю лучше понять общие черты и особенности современных анализируемых случаев в отношении революционно-го процесса XXI столетия.

1.1. Первая волна

Первая волна – это преимущественно волна (цветных) революций – 2000–2009 гг. Фактически она начинается в последний год XX в. со Второй народной революции 2000–2001 гг. на Филиппинах и «бульдозерной революции» в Сербии/Югославии (Khodunov 2022a). Она включает в себя, например, революции и революционные события в Грузии (*Idem* 2022c), на Мальдивах и Украине (*Idem* 2022b), в Ливане, Киргизии (Ivanov 2022), Мьянме, Иране (Filin 2022), Молдове (Tkachuk *et al.* 2022)⁴. Многие из них имели сходство с некоторыми событиями волны антикоммунистических революций 1989–1996 гг. в том, что касается их тактики и целей (об

³ Мы давали их характеристику в: Goldstone *et al.* 2022a; Grinin L., Grinin A. 2022b; Гринин 2020в, 2021, 2022; Гринин, Коротаев 2021; 2023; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021; Устюжанин и др. 2021; Голдстоун, Гринин, Коротаев 2022; Голдстоун и др. 2024; Grinin L., Grinin A. 2022с.

⁴ Несколько революций в этот период произошло вне данной волны. Например, в Кот-д’Ивуаре (2002 г.), Боливии (2003 г.), Непале (2006 г.), секторе Газа в Палестине (2007 г.).

этой последней волне см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020, 2021, 2023; Grinin L, Grinin A. 2022a; Grinin *et al.* 2022).

На мир-системном уровне причины у этой волны были следующие: 1) мировая экономика находилась на подъеме, особенно активно в странах бывшего второго и третьего мира; 2) быстрое развитие способствовало как росту завышенных ожиданий, так и усилению неравенства; 3) общий подъем мировой экономики сопровождался усилением демократизации в мире (так называемая третья волна демократизации, см., например: Huntington 1993); 4) наблюдался рост демократизации, тесно связанный: (а) с падением коммунизма; (б) с ростом престижа США и других демократических стран; (в) с растущим влиянием западных стран и организаций во многих ранее авторитарных странах, (г) с формированием после окончания холодной войны *Pax Americana*. Следует отметить, что под предлогом демократизации часто реализовывались геополитические цели (см. ниже).

Относительно связей между революциями внутри этой волны нужно отметить следующие моменты: успех каждой революции вызывал эйфорию у потенциальных революционеров в других странах и желание ускорить революционные события в них. Это можно назвать «эффектом революционного успеха»; обучение стратегии и тактике активистов целого ряда цветных революций в эту волну осуществлялось через сербскую организацию «Отпор» и созданный на ее основе Центр прикладного ненасильственного действия и стратегии (*Center for Applied Non-Violent Action and Strategy / CANVAS*), который не только не скрывал этого, но и всячески хвалился своими успехами; за спиной «Отпора» стояли те же самые иностранные державы и НКО (об «Отпоре» см.: Filin *et al.* 2022)⁵.

Главными особенностями первой волны были следующие:

1) революции не происходили одновременно и не перекрывали друг друга, как это было во время предыдущей (1989–1996) и последующей (2010–2013) волн. Как правило, они следовали друг за другом последовательно с некоторой задержкой, что больше походило на эстафету, своего рода цепочку, с одним революционным событием в год-два;

⁵ Ниже мы приводим нашу сводку особенностей и характеристик цветных революций, которые помогают понять, как они осуществлялись. В этом плане также полезна статья Л. А. Митчелла о цветных революциях (Mitchell 2022).

2) в то же время существует четкая связь между этими революциями в отношении: (а) мир-системных причин; (б) внешних сил и организаций, которые обеспечивали помощь революционерам и их обучение (см. выше); (в) их целей; (г) их методов революционного действия;

3) благодаря улучшенной организации и поддержке Запада эти революции часто оказывались успешными.

1.2. Вторая волна

Вторая волна – «арабская весна», 2010/2011–2013 гг.⁶ Это революции в Тунисе (Kuznetsov 2022), Египте (Grinin, Korotayev 2022a, 2022b), Ливии (Barmin 2022), Сирии (Akhmedov 2022), Йемене (Issaev *et al.* 2022), революционные события в Бахрейне, Марокко⁷, Иордании, Кувейте⁸.

Данная волна имела следующие мир-системные причины:

1) в отличие от предыдущей волны, в конце 2000-х гг. мировая экономика была охвачена финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг. При этом количественное смягчение, использовавшееся в ФРС США в качестве главного антикризисного средства, привело к небывалому росту цен на продовольствие. Это обострило и без того тяжелую экономическую ситуацию во многих странах, особенно арабских, которые являлись импортерами зерна и продовольствия. Таким образом, экономический кризис стал мир-системной глобальной причиной революционной активности. Следует отметить, что кризис охватил практически все страны и рево-

⁶ Общий анализ этих событий и анализ событий в главных странах см.: Гринин, Исаев, Коротаев 2016; см. также: Малков и др. 2013; Коротаев, Зинькина 2011; Коротаев, Мещерина и др. 2017; Акаев *et al.* 2017; Grinin *et al.* 2019; Korotayev, Zinkina 2011; Korotayev, Issaev *et al.* 2013; Grinin, Korotayev 2022b, 2022d.

⁷ В статье М. А. Вахлова в этом номере (Вахлов 2026) читатель найдет данные о событиях в Марокко в период «арабской весны». См. также: Коротаев, Бурова 2026.

⁸ Помимо революций (главным образом на Ближнем Востоке и в Северной Африке), волна включала ряд революционных событий в других частях мира, в том числе революционные движения без революций в странах Запада (*Occupy Wall Street*, *Indignados* и т. д.). Подробнее об этом см.: Коротаев, Мещерина и др. 2016; Коротаев, Мещерина, Каткова 2019; Коротаев, Романов и др. 2018; Коротаев, Соковнина, Шадрова 2020; Коротаев, Шишкина, Лухманова 2017; Хохлов и др. 2021; Korotayev, Meshcherina, Shishkina 2018; Korotayev, Shadrova *et al.* 2024; Korotayev, Shishkina, Khokhlova 2022; Ortman *et al.* 2017.

люционная деятельность усилилась по всему миру, однако центр активности находился в регионе Ближнего Востока и Северной Африки из-за особенностей режимов данного региона и их социальной политики;

2) агфляция (инфляция цен на сельскохозяйственную продукцию) стала специфическим следствием кризиса, то есть возникли классические революционные причины (в отличие от первой волны), связанные с падением уровня жизни;

3) вследствие быстрого, но крайне неравномерного развития таких стран, как Египет, Тунис и др., замедление темпов экономического роста ускорило приближение революций;

4) в отличие от стран первой волны, на Ближнем Востоке авторитарные правители находились у власти очень долгое время (30 лет и более). Несмотря на все пороки этих режимов, некоторые из них удерживали от распада и внутренних конфликтов свои страны, имевшие внутреннюю этнополитическую и региональную неоднородность. Падение режимов в результате революций в итоге привело к расколам в этих странах (Йемене, Ливии, Сирии) и жестоким внутренним конфликтам.

Основными чертами этой волны были:

1) быстрое распространение революций из одной страны в другую, в данном отношении это классическая волна;

2) сильное культурное и языковое единство центрального региона волны;

3) особая роль образованной молодежи (об этом мы еще скажем отдельно);

4) особая роль этноконфессионального фактора.

Относительно связей между революциями внутри этой волны нужно добавить следующие моменты: политическое сходство режимов вместе с этноязыковой близостью населения арабских стран ускорило падение одного режима за другим, подобно «эффекту домино» (подробнее об этом эффекте см.: Rozov 2022; см. также: Сингх, Гончаренко 2026 в этом номере). Также нужно отметить влияние внешних сил в виде «Отпора»/CANVAS, высокую, где-то центральную роль социальных сетей и других СМИ.

1.3. Третья волна

Третья волна (2018 г. – н. в.) включает революции, революционные эпизоды и революционные движения без революций в Ар-

мении (2018), Судане (2018–2019), Боливии (2019), Алжире (2019), Гонконге (2019–2020), Чили (2019), Киргизии (2020), Ираке (2019), Ливане (2019), Иране (2019), Франции («желтые жилеты», 2018–2020), Белоруссии (2020–2021), Сомали (2020–2021), Польше (2020–2021), Эфиопии (2020–2021 гг., в Тыграе), Мали (2020–2021 гг.), США (штурм Капитолия в 2021 г.), Мьянме (2021), Гаити (2021), Колумбии (2021), Палестине (2021), Чаде (2021), Афганистане (тут завершение длительной революционной эпохи в 2021 и последующих годах), Казахстане (2022), Канаде (2022), на Корсике (2022), Шри-Ланке (2022), в Иране (2022), Боливии (2022), Перу (2022), Пакистане (2022), Косово (2022), КНР (2022), Армении (2022), Эквадоре (2022), Узбекистане (Каракалпакия, 2022), Панаме (2022), Молдове (2022), Колумбии (2022), Бразилии (2022), Монголии (2022); революционные эпизоды в Перу (2023), Грузии (2023), Эфиопии (2023), Судане (2023), Нигере (2023), Непале (2023), Израиле (2023), Франции (2023), Сербии (2023), Мали (начало пятого туарегского восстания, 2023) и Армении (2023). В 2024 г. были затронуты революционными событиями: Новая Каледония, Кения, Колумбия, Армения, Венесуэла, Бангладеш, Мозамбик; в 2025–2026 гг.: Мадагаскар, Непал, Сербия, Того, Индонезия, Марокко, Танзания, Перу, Камерун, Иран, Уганда, Албания.

На мир-системном уровне эта волна имеет следующие причины:

1) новое ухудшение ситуации в мировой экономике наряду с большей концентрацией богатства в руках немногих (1 % населения, противопоставляемый остальным 99 %) и растущим неравенством;

2) последующее во многих случаях снижение уровня жизни, рост цен и другие явления, которые связывают эту волну с предыдущей;

3) дестабилизация Мир-Системы в ответ на внешнее давление (включая санкционное давление и деглобализационные тенденции во время первой каденции Д. Трампа, что спровоцировало растущую националистическую реакцию);

4) продвижение демократии, продолжающееся в ряде стран – Гонконге, Белоруссии, Армении и др.;

5) значительно ухудшившаяся в 2020 г. вследствие COVID-19 экономическая и социальная ситуация (в частности, пандемия сыграла свою роль в революционных событиях в Киргизии, Непале, Боливии, Шри-Ланке);

б) рост инфляции в мире, в том числе и цен на продовольствие, в результате обширных мер количественного смягчения. Последнее сначала имели место в США, а затем этими операциями стали заниматься ЦБ многих стран, что особенно усилилось в период ковидных локдаунов.

Для этой волны характерны следующие особенности:

1) широкий спектр революционных событий, в том числе рост такой их формы, как революционные движения без революций, которые более характерны для стран первого мира (Глобального Севера)⁹;

2) разнообразие причин революций на общей базе, связанной с ухудшением не только в экономическом, но и во внешнеполитическом и международном плане;

3) сдвиг вектора революционной волны на периферию (об этом см. подробнее ниже);

4) одновременное распространение революционных событий на страны первого мира с консолидированной демократией (это сближает волну с предыдущей, с той лишь разницей, что на сей раз интенсивность революционных событий в этих странах усилилась). Здесь стоит отметить, что если реконфигурация Мир-Системы началась с «арабской весны», второй волны XXI столетия, то далее процесс кризиса стал захватывать и центр Мир-Системы, что выразилось, в частности, в Брексите (выходе Великобритании из ЕС в 2016 г.), антиглобализационных действиях Д. Трампа, обострении противостояния внутри США (см., например: Гринин 2018, 2020б; Grinin, Korotayev 2020). Тем не менее, как читатель может судить по списку революционных событий выше, все же революционный вектор с 2021 г. стал все сильнее смещаться на периферию. Кроме того, полноценных (тем более социальных) революций в центре Мир-Системы не наблюдается, тогда как на периферии их немало.

Относительно связей между революциями внутри этой волны нужно добавить, что окончательное их установление затрудняется тем, что волна продолжается. Но все же можно выделить для отдельных подгрупп революций следующие общие моменты: а) инспирирование революционной активности вследствие усиления геополитического противостояния России и Запада, а также попыток ослабить других соперников США и ЕС – Китай, Иран, Венесуэлу;

⁹ О революционных движениях без революций см.: Гринин, Коротаев 2021.

б) ослабление американских позиций на Ближнем Востоке и внутривнутриполитическая борьба в США; в) эхо «арабской весны», особенно экспорта радикального исламистского революционизма запрещенного в России ИГИЛ в Африку (см. об этом ниже).

Также заметную роль стали играть развитие электронных коммуникаций и активизация молодежного движения, о чем мы еще скажем отдельно.

2. Теория волн революций и их характеристики

После описания волн имеет смысл дать пояснения к понятию волн революции.

2.1. Общие теоретические подходы

Волна революций – это совокупность нескольких революций в разных странах, произошедших в сравнительно короткий срок (максимум 10 лет) и имеющих общие причины. Здесь важно иметь в виду, что в революционную волну включаются не только собственно революции, но и другие виды революционных событий, которые обычно имеют менее радикальный характер, чем революции. Об отличиях революций от революционных эпизодов см. ниже.

Мы предлагаем выделять революционные волны по следующим критериям:

1) реальная связанность событий в рамках Мир-Системы общей мир-системной причиной, взаимным влиянием и т. п.;

2) количество революций не должно быть слишком малым (минимум четыре-пять, если это революции в достаточно крупных странах, больше – если в разных по значимости); при этом нельзя считать революционной волной события лишь в рамках одного государства, как это делает, например, К. Бек (Beck 2011) для событий на Балканах в 1870-х гг.;

3) ограниченный временной интервал революционных событий, не более 10 лет между началом первого и началом последнего события;

4) в один период может наблюдаться одна волна (а не три или четыре, как получается в период 1950–70-х гг. у Дж. Голдстоуна [2006]; подробнее о волнах см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2022; Grinin L., Grinin A. 2022b).

Рассмотрим вопрос о временных рамках. Иногда между такими событиями практически нет временного интервала. Их синхрон-

ность бывает удивительной: например, революции 1848–1849 гг. в Европе (см. о них: Grinin 2022f) или антисоциалистические революции в 1989 г. (см. выше). Иногда временной лаг больше (как в первой волне XX в. 1905–1911 гг.).

Что касается длительности рассматриваемых трех волн, то первая была почти предельной длины – до 10 лет; вторая короткая – два-три года (хотя ее эхо ощущалось дольше [см., например: Коротаев и др. 2019]). По нашему мнению, длительность волны от начала первой революции до начала последней обычно не бывает больше 10 лет, иначе это уже будет не волна, а цепочка революций¹⁰. Этот вопрос представляет несомненный научный интерес и теоретически важен в отношении третьей волны, так как она длится уже восемь лет, соответственно, согласно теории, она должна завершиться не позднее 2028 г. В конце статьи мы вернемся к вопросу о возможности рассматривать молодежные движения в революциях как показатель начала новой – четвертой – волны XXI столетия.

Перед авторами ряда статей спецсекции была поставлена задача связать описываемые ими события с третьей волной и соответственно показать преломление общих черт выбранной волны в описываемом событии; но также они должны были показать особенности анализируемых событий, связанных с участием в них зумеров. Как это получилось, судить читателям, однако, на наш взгляд, кое-что молодым авторам удалось.

2.2. О мир-системных событиях, лежащих в основе причин революционных волн

По нашему мнению, **только мощные мир-системные события могут продолжаться и на фоне уже начавшейся новой волны. Эти изменения способны стать источником революционных волн.** Такими событиями могут быть мировая война, масштабный экономический кризис, затронувший много стран, мощная победоносная революция, развал/ослабление крупной империи или центра коалиции, смена лидера Мир-Системы или что-то подобное. При этом то или иное мир-системное событие вместе с революциями несет и множество других перемен, поэтому револю-

¹⁰ Но речь идет о периоде от начала первой революции в волне до начала последней. Некоторые революции могут длиться очень долго, десятилетиями, поэтому правильнее считать интервал между началом первой и началом последней (а не завершением последней) революции.

ционная волна является только частью общего процесса изменений. Указанные мир-системные изменения, конечно, имеют и культурно-идеологический аспект.

Выше мы видели, что все три волны были связаны с мощными мир-системными событиями. Но есть смысл кое-что добавить, поскольку мы полагаем, что **все три волны** (а также предшествующая им волна 1989–1996 гг.) **были связаны с процессами разрушения прежнего дуального мирового порядка (американо-советского), установлением и распространением нового – американского, а затем с его ослаблением.**

Первая волна была результатом падения предшествующего мирового порядка в результате коллапса СССР и социалистической системы (Гринин Л. Е. 2016; Гринин А. Л. 2025а, 2025б; Гринин и др. 2024). Падение прежней двуполярной системы советско-американского порядка, распад СССР и фактическое подчинение европейских соцстран и бывших республик СССР США и Западу привели к формированию американского мирового порядка (Гринин А. Л. 2025а, 2025в). И эта новая мировая система стала активно распространяться на ставшие теперь легкой добычей территории. Но если восточноевропейские страны вошли в западную систему в результате вышеуказанной волны 1989–1996 гг., где сложности представляли только республики бывшей Югославии (они погрузились в кровавые этнические конфликты), то на территории бывшего СССР демократия, выгодная США и Европе, устанавливалась с трудом. В результате волна распространения в геополитических целях демократии накатилась на эти страны от Сербии до Киргизии (см. выше) в виде цветных революций, захватив также и некоторые неевропейские страны.

В дальнейшем распространение американского мирового порядка также продолжалось, но уже не столь активно, поскольку и мировой экономический кризис, и иные события, прежде всего замедление экономического развития США, стали этому препятствовать.

С определением мир-системного события второй волны дело обстоит проще: ее всплеск, как сказано выше, был связан с экономическим кризисом и мощным ростом цен на продовольствие (агфляцией). Однако мировой экономический кризис стал поворотным пунктом и в стремлении США стабилизировать ситуацию, укрепить свою гегемонию и подавить конкурентов. В этих целях они

начали целый ряд программ и действий, которые в целом шли вразрез с теми принципами, на которых мировой порядок строился изначально (свободной торговли и пр.). Количественное смягчение, в частности, было одним из них. Привлечение стран Глобального Юга в G20 – другим, что, несомненно, способствовало росту самосознания народов стран Глобального Юга, включая и революционные настроения.

Начало (как и продолжение) третьей волны было связано с ослаблением мирового американского порядка, которое стало чувствоваться особенно после прихода к власти Д. Трампа в 2017 г. и усиления противостояния США и их оппонентов (России, Китая). Оно также было связано с ростом Китая и в целом Глобального Юга, усилением антиамериканизма, свертыванием глобализации и мощными деструктивными процессами, влиявшими на позиции США, пандемией COVID-19, а затем и СВО.

2.3. Внешнее влияние

Прежде чем говорить о внешнем влиянии зарубежных стран на революционные события, имеет смысл остановиться на анализе того, что представляет собой цветная революция.

Цветная революция – это революционное событие, которое происходит хотя и под влиянием внутреннего развития, кризиса, складывания революционной ситуации, оправданного недовольства правительством и т. п., но обязательно при сильной внешней поддержке (прямом инспирировании протестов и даже поддержке или одобрении насильственных актов со стороны революционеров¹¹), которое может выражаться: (а) в сильном кураторстве (обу-

¹¹ Большие подозрения, например, вызывают действия снайперов в период украинского Евромайдана в феврале 2014 г., которые, как небезосновательно считают, стреляли в целях провокации из гостиницы «Украина» как по полицейским отрядам «Беркут», так и по протестующим (Katchanovski 2023b). Это привело к многочисленным жертвам и в итоге до крайности обострило ситуацию, поскольку в стрельбе были обвинены президент В. Янукович и правительство. К этой кровавой стрельбе, по некоторым данным, были причастны иностранцы – грузинские снайперы. По ряду сообщений, «из Грузии были привезены несколько десятков, а именно около 50 наемников, которые в дальнейшем принимали участие в событиях на “майдане” и 20 февраля вели огонь по протестующим... Ставилась задача вести огонь без разбора, то есть как по митингующим, так и по силовикам с целью создать конфликт», – рассказал адвокат. За выполнение задания им обещали де-

чении, разработке стратегии и тактики, разнообразной помощи, включая предоставление убежища, ресурсов и т. п.) иностранных держав, политических сил или организаций, поддерживаемых извне; (б) безусловной поддержке со стороны иностранных сил революционных акций, независимо от действий революционеров, путем дипломатического, информационного, иного (например, санкционного) давления на страну, в которой происходят революционные события.

Цветная революция осуществляется фактически (хотя вслух об этом не говорят) в интересах иностранных держав, которые выступают в качестве кураторов революции: обязательно имеется стремление получить военно-стратегические, геополитические, экономические дивиденды¹², но при этом реальные последствия победы (или поражения) революции в конкретной стране, ее судьба, интересы ее населения в целом иностранных кураторов не интересуют, они к ним безразличны, а иногда даже заинтересованы в дезорганизации, коллапсе страны. Шансы на победу цветной революции без поддержки извне резко уменьшаются.

Сказанное объясняет, почему нельзя назвать цветными такие революции «арабской весны», как тунисская, египетская, несмотря на помощь иностранных соцсетей и медиа. Дело в том, что они победили в целом самостоятельно. Революция в Ливии не смогла бы победить без иностранной помощи, но она тоже являлась не цветной, а экспортной («на штыках», только вместо штыков уже действовала авиация) военной революцией, которой оказывали военную помощь. А цветные революции, как правило, мирные либо нацеленные на мирное течение. Кроме того, очень важным признаком цветной революции является то, что она, как правило, происходит в стране с гибридным режимом, где есть выборы, парламент, пре-

нежное вознаграждение в размере \$5 тыс., отметил он» (Наемники... 2017). Но все западные страны с радостью приняли версию о «кровавых действиях режима Януковича». Однако обвинения в том, что стрельбу организовал «Беркут», украинские суды не подтвердили (Katchanovski 2023a), и в итоге виновные украинской властью так и не названы по вполне понятным причинам. Свидетели говорят, что провокация руководителей Евромайдана имела место (Katchanovski 2024) и сыграла свою роль в свержении президента Януковича.

¹² Например, в Северной Македонии в 2015–2016 гг. (Костин 2021) произошла типичная цветная революция, причиной активизации там революционных событий стало желание включить страну в НАТО.

зидент и т. п., существуют имитация демократии и некоторые свободы¹³. А в Ливии была типичная автократия М. Каддафи.

Как правило, лозунгами таких цветных революций являются: а) демократизация страны, выборов и т. п.; б) отставка (свержение, уход и т. п.) автократа, который долго находится у власти¹⁴; в) обвинение власти в коррупции (как правило, полностью справедливое) и требование обновления; г) обвинение в подтасовке выборов (это наиболее частая причина/повод для революционных действий), требование признать победу лидера оппозиции. При этом последняя нацелена на то, чтобы требовать победы своего кандидата еще до выборов, и даже если он действительно проиграл, никогда этого не признаёт¹⁵; д) довольно частое требование – ориентация на Запад, разрыв с Россией и т. п.

Особенности цветных революций: а) активное участие молодежных движений и молодежи¹⁶; б) стремление к мирной победе; в) наличие выразительного символа.

В отношении анализируемых в спецсекции революционных эпизодов нужно отметить, что в большинстве случаев наблюдалось активное участие молодежных организаций и молодежи (особенно поколения зумеров). Об этом еще будет идти речь, но участие молодежи – это совсем не исключительный признак цветной революции. Ряд анализируемых в статьях революционных эпизодов, в частности в Непале, Мадагаскаре, были довольно буйными, что отделяет их от признаков цветной революции.

Зато символы революций имели место. Скажем, что это могут быть самые разные предметы и понятия: бульдозер (как в Сербии

¹³ Согласно Л. А. Митчеллу, «цветные революции не были случаями свержения диктатур массовыми народными движениями. Они менее драматично и лучше воспринимаются как революции в полудемократических режимах, которые со временем становились все более коррумпированными и слабыми, будучи свергнутыми в основном мирными демонстрантами, чтобы привести к власти альтернативных лидеров, которые когда-то были частью режима» (Mitchell 2022: 437).

¹⁴ Но не всегда. На Украине, скажем, в 2014 г. свергли избранного совершенно законно (без нарушений) и проводившего свой первый срок на посту президента В. Януковича.

¹⁵ В Белоруссии подсчитали голоса за С. Тихановскую задолго до выборов, и также до выборов фактически объявили ее победительницей (Клочкова 2021).

¹⁶ Согласно Л. А. Митчеллу, «одним из ключевых компонентов модели цветной революции была роль молодежных движений» (Mitchell 2022: 435). Но не всегда, на Украине в 2014 г. молодежные движения важной роли не играли.

в 2000 г.); цветок («революция роз» в Грузии 2003 г.), цвет («оранжевая революция» на Украине в 2004 г.), зонтики (в Гонконге в 2014 г.). Наиболее же типичным символом цветных революций был характерный сжатый кулак, восходящий к символу Союза красных фронтовиков (нем. *Roter Frontkämpferbund*, СКФ, RFB) – военизированной антифашистской оборонительной организации Коммунистической партии Германии 1920-х – начала 1930-х гг. (см. Рис. 1).

Рис. 1. Символ Союза красных фронтовиков

Источник: https://en.wikipedia.org/wiki/Roter_Frontk%C3%A4mpferbund#/media/File:Roter_Frontk%C3%A4mpferbund_Pirna.svg.

В 1990-е гг. этот символ попал на логотип сербского молодежного движения «Отпор!», сыгравшего важную роль в победе первой цветной революции первой революционной волны – «бульдозерной революции». Это было не случайно, так как многие участники движения пошли в школу еще в социалистической Югославии, где особое внимание уделялось истории антифашистских коммунистических организаций и ученики не могли не ознакомиться с эмблемой Рот-Фронта. Как уже упоминалось, после победы «бульдозерной революции» члены «Отпора» создали Центр прикладного ненасильственного действия и стратегии (*Center for Applied Non-Violent Action and Strategy / CANVAS*), занимавшийся целенаправленным распространением теории и практики цветных революций, что привело и к широкому распространению «отпоровской» революционной символики (см. Рис. 2).

Рис. 2. Эмблемы некоторых молодежных и революционных движений 2000-х: слева сверху – египетское молодежное движение «6 апреля»; справа сверху – сербское молодежное движение «Отпор!»; слева по центру – грузинское молодежное движение «Кмара!»; справа по центру – российское молодежное движение «Оборона»; внизу – «Альянс 14 марта», главный организатор «кедровой революции» 2005 г. в Ливане

Источники: http://en.wikipedia.org/wiki/File:April_6_Youth_Movement.jpg; <http://en.wikipedia.org/wiki/File:Otpor.png>; http://en.wikipedia.org/wiki/File:Flag_of_Kmara.png; http://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Логотип_Обороны.jpg; https://en.wikipedia.org/wiki/March_14_Alliance#/media/File:14th_march.svg.

В анализируемых революционных событиях символом стал пират в соломенной шляпе (см. о нем Приложение и Рис. 4).

Рассмотрим еще подробнее направления внешнего влияния в случаях цветных (и не только) революций, в частности и влияние радикалов.

Направления внешнего влияния. Все три волны были связаны с более или менее сильным внешним влиянием, в котором можно выделить четыре основных направления.

Первое – попытки демократизации через различные структуры, контролируемые западными странами и в особенности признанным в России нежелательной организацией американским агентством USAID (Kostin, Korotayev 2024). Это было особенно заметно в первую волну, но прослеживается также во второй и третьей. Использовались различные методы и структуры – от непосредственного обучения революционных активистов до идеологической поддерж-

ки, финансирования вплоть до прямой оплаты участия в протестах, координации действий, давления на правительство, которое осаждали протестующие, чтобы оно не применяло жестких мер против них, и т. п.

Попытки использовать революции в качестве геополитического оружия были постоянными. Особенно работа западных спецслужб была направлена на бывшие республики СССР, чтобы окружить Россию кольцом враждебных ей государств, оторвать от нее оставшихся союзников (как это пытались сделать с Белоруссией в 2020 г.). Разумеется, не забывали и о других геополитических противниках, что выразилось, например, в инспирировании волнений в Иране, свержении М. Каддафи (Barmin 2022), попытках свергнуть Р. Т. Эрдогана в 2016 г. (Baskan 2022), отколоть Гонконг от Китая в 2019 г., аналогичных действиях в других местах, в том числе в Южной Америке. Только совсем недавно, уже во время второй каденции Д. Трампа, США стали заявлять, что они прекращают политику «продвижения демократии», распустили признанную в России нежелательной организацию USAID, которая активно способствовала поддержке нужных им режимов и свержению ненужных. Однако, как и все, что делается при Трампе, это непоследовательно, несистематично и очень часто двулично. Попытки устроить революцию в Иране в конце 2025 – начале 2026 г. с помощью завезенных нелегально Starlink¹⁷ и искусственно устроенного валютного кризиса, когда США создали нехватку долларов в стране, ясно показывают, что беспринципность в американской внешней политике лишь значительно усилилась. Причем глава Министерства финансов США С. Бессент откровенно хвастался, как они устроили этот кризис (Бессент... 2026). Европейский союз никогда не отказывался прямо от того, чтобы содействовать цветным революциям, активно способствуя через своих прокси (например, Литву и Польшу) попыткам устроить революцию в Белоруссии, всячески поддерживая цветные революции в Молдове, на Украине, а также пытаясь инспирировать революционные волнения в Венгрии, Сербии и т. д.

Таким образом, хотя апогей цветных революций, видимо, уже пройден, но попытки их использовать остаются и еще будут, тем более в условиях все большего противостояния в мире.

¹⁷ Это, кстати, новая технология в условиях, когда власти пытаются отключить Интернет на охваченных протестами местах и территориях.

Второе – геополитическая борьба, в которой участвовали как западные, так и ближневосточные страны, а также Израиль (объекты воздействия: Ливия, Сирия, Йемен, Мали, Судан). Это проявилось в основном во время второй волны (см., например: Васильев и др. 2019).

Третье – постоянный идеологически-новостной фон, который подогревает революционные настроения в странах, где происходят волнения и протесты. Поскольку мировые СМИ монополизированы, а местные очень часто пользуются грантами различных западных организаций, поскольку активно используются новые формы информации через социальные сети и др. (см. об этом ниже), революционные группы имеют очень мощную поддержку, даже если нет прямого финансирования (а оно очень часто скрыто).

При подготовке статей мы много работали с авторами, чтобы избежать предвзятости и однобокости в изложении событий, поскольку в новостных сюжетах, доступных исследователю, преобладают, а где-то полностью доминируют ангажированные западные источники. Мы поясняли, что использовать их можно и необходимо, но нужно крайне критически относиться к их сообщениям, особенно о количестве жертв, жестокостях правительства и органов правопорядка и т. п., поскольку здесь очень часто имеют место сознательные искажения и преувеличения (условно на протесты вышли 1000 человек, а сообщают о десятках тысяч)¹⁸. Собственно, здесь должен господствовать подход, на который, безусловно, обязан опираться исследователь, – тщательная проверка фактов из любых источников (правительственных, иностранных государств, всякого рода агентств и т. п.), необходимость иметь несколько различных источников и точек зрения, чтобы объективно их оценить, постоянно иметь в виду, что беспристрастность сегодня встречается все реже. Поэтому обязательно нужно искать, кому выгодны эти события, кто может за ними стоять. Ниже мы приводим наши рекомендации по этой проблеме.

Наконец, важно особо отметить не связанный с цветными революциями, но важный для понимания событий во многих африканских странах экспорт исламистско-террористической революции

¹⁸ Вышеприведенная информация о снайперах на Украине – очень яркий пример, поскольку все мировые СМИ горячо обвиняли Януковича в расстреле протестующих.

из регионов Сирии и Ирака (прежде всего в страны Тропической Африки, но также в ряд государств Ближнего и Среднего Востока, таких как Афганистан и Ливия)¹⁹, который проявился во время второй волны и продолжается в третьей. Это важно для понимания революционного процесса в Африке и в целом в Мир-Системе, поскольку число исламистских радикальных революционных событий весьма велико и оно уже превышает число демократических (по крайней мере, превышало до недавнего времени; см. Рис. 3). При этом экспорт революций идет уже не столько с Ближнего Востока, сколько из африканских районов, где революционные исламистские радикалы уверенно себя чувствуют (Нигерия, страны Сахеля, некоторые регионы Восточной Африки).

Рис. 3. Сравнение числа исламистских и демократических революционных выступлений, зафиксированных в соответствующие годы XXI в.

Источник данных: Голдстоун и др. 2024; БД революционных событий XXI в. (см: Устюжанин и др. 2026; см. также онлайн-приложение: Голдстоун и др. 2022).

Выводы. Итак, все три волны были связаны с более или менее сильными внешними влияниями, с попытками демократизации через различные структуры (особенно в первую и третью; для второй отчасти это Ливия и Сирия, но также и давление на правительства

¹⁹ То, что мы называем террористов революционерами, не должно вызывать удивления у читателей, поскольку терроризм — это атрибут многих групп революционеров начиная с XVIII столетия. И итальянские карбонарии, и ирландские националисты, и русские революционные группы, и множество других были террористами. Мы не говорим уже о партизанских революционных методах в Латинской Америке и других местах (так называемые гериллы), действия которых по определению являются террористическими. Отличие революционеров-террористов от просто бандитов — в идеологии, революционной идеологии, согласно которой они стремятся переустроить жизнь. У исламистских групп она имеется, и вполне понятная — возврат к истокам ислама и перестройка жизни по шариату. В то же время среди них есть и группы, которые занимаются в основном бандитизмом. Но такие группы встречаются практически в любом революционном движении.

Египта и других стран с предупреждением не применять жесткие меры). Поэтому перед авторами была поставлена задача определить, не является ли их случай цветной революцией. Некоторые характеристики таких революций, помимо уже указанных, в частности связанные с информационной поддержкой активистов из-за рубежа и благожелательности в освещении революционных событий со стороны многих международных организаций, которые являются явно ангажированными, а также подозрений в продвижении и финансировании революционных событий, авторами были обнаружены. Однако в целом исследователи не нашли данных, чтобы считать анализируемые ими случаи типично цветными революциями. Соответственно, мы считаем их в целом самостоятельными революционными эпизодами при более или менее заметной информационной поддержке из-за рубежа.

2.4. Роль экономической ситуации

Роль экономической ситуации, особенно ее изменения, для понимания причин любой революции исключительно велика. Как мы видели, первая волна прошла на позитивном экономическом и политическом фоне, вторая – на негативном экономическом, а третья – на негативном экономическом и внешнеполитическом фоне.

Понятно, что плохая экономическая ситуация, особенно если до этого она была значительно лучше, может быть предиктором, объясняющим подъем волны. Именно так дело обстояло во второй волне. Возникает вопрос, как хорошая экономическая ситуация могла влиять на революционные настроения в первой волне. Мы говорили, что в первой волне в целом экономическая ситуация была хорошей, однако есть некоторые важные уточнения. **Первое.** В отношении ряда стран бывшего СССР, где произошли революции, в частности в Грузии, Киргизии, экономическая ситуация была отнюдь не благополучной, так как эти страны с трудом перестраивали свои экономики после распада Советского Союза. **Второе.** Несколько революций и революционных событий произошло уже после начала мирового экономического кризиса 2008 г., в частности в Молдове, Иране. И в этот период экономическая ситуация уже ухудшилась (но в указанных странах она и ранее не была хорошей). **Третье.** В ряде стран имелся достаточно высокий экономический рост, в частности на Украине. Но высокий рост, как показывают исследования, также может быть источником революцион-

ных волнений (Коротаев, Васькин, Билюга 2017; Korotayev, Vaskin *et al.* 2018), поскольку, во-первых, ведет к диспропорциям (см. об этом ниже в отношении быстрой модернизации), а во-вторых, может быть причиной недовольства, поскольку экономический рост не успевает за растущими требованиями, завышенными ожиданиями (см., например: Davies 1962; Gurr 1970; Коротаев 2014). Завышенные ожидания сыграли очень большую роль и в «арабской весне», особенно у образованной молодежи (Grinin, Korotayev 2022b).

Экономическая ситуация в третьей волне была неважной, но не столь ярко выраженной негативной, как во второй. Однако имела место депрессивная полоса, которая затем перешла в глубокий спад, связанный с ковидными локдаунами.

Таким образом, экономическая ситуация в странах, охваченных революционными протестами, является очень важным фактором, исследовать который необходимо глубоко и с пониманием интересов различных групп. Поэтому нами были сделаны установки для авторов, чтобы, во-первых, за сухими строками сообщений о росте безработицы, цен и т. п. были выявлены реальные факты о состоянии экономики. Во-вторых, чтобы было сравнение с предшествующим состоянием (особенно если речь идет о революционной эпохе). В частности, действительно ли ситуация ухудшилась, безработица увеличилась или эти обвинения правительства или лозунги являются дежурными, а ситуация осталась прежней или даже несколько улучшилась (но возросли требования населения).

Для анализируемых революционных событий существенно было обратить внимание на то, что иногда возникают ситуации, когда молодежь включает в свои претензии правительству общие требования, которые ее прямо не касаются (например, проблема повышения НДС в Индонезии с 11 % до 12 % выглядит явно не молодежным лозунгом и не столь уж принципиальным, чтобы он стал центральным в революционной программе). Надо разбираться и в том, почему какие-то решения правительства кажутся протестующим неприемлемыми, изучить последствия таких решений, которые далеко не очевидны.

Например, в Индонезии критике подверглось предложение разрешить университетам владеть лицензиями на добычу полезных ископаемых, которое в итоге парламент отозвал. Автор по нашей рекомендации провел исследование, которое показало следующее

(Гудзенко 2026). Согласно проекту статьи 51А, вузам с аккредитацией не ниже В предоставлялся приоритетный доступ к участкам добычи металлических минералов, прежде всего никеля – стратегического сырья для производства аккумуляторов электромобилей, на котором Индонезия стремится выстроить цепочку промышленной переработки (хилиризации). Официальным обоснованием служила «финансовая самостоятельность» университетов, однако критики, в том числе коалиция исследователей и студентов КИКА, указывали на конфликт интересов: университеты, получив горнодобывающие лицензии, утрачивали бы стимул к независимой экспертизе экологических и социальных последствий добычи и, по сути, становились бы соучастниками отрасли, которую традиционно критиковали. Активисты также расценивали предложение в качестве попытки нейтрализовать кампусы как центры оппозиционной мобилизации.

Здесь добавим, что последний момент обращает на себя внимание. Очевидно, что студенческие лидеры опасались потерять свое влияние (важнейший пункт в любом революционном событии), поэтому попытка провести закон, который в общем-то был не таким, чтобы стать поводом для революционных волнений, вызвал активные протесты. Мы видим, что университеты являются важными центрами антиправительственной активности (об этом см. также: Гринин, Билюга и др. 2017; Ustyuzhanin, Sawyer *et al.* 2023).

В итоге исследования, которые провели авторы, существенно уточнили истинные причины волнений и общую ситуацию в анализируемых странах.

3. Немного революционной теории

3.1. Определения революционных событий

Существует множество исследований, посвященных теории революции, а также материалы, обобщающие некоторые аспекты революционного процесса XXI столетия (см. их анализ, например: Гринин 2021; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021; Устюжанин и др. 2021; Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021; Grinin 2022a, 2022b, 2022c, 2022e; Grinin, Korotayev 2024a, 2024b). Это избавляет нас от необходимости давать разъяснения по целому ряду вопросов теории революции. Однако круг нерешенных проблем этой теории

весьма велик, а многие случаи, описанные в спецсекции, являются столь сложными, что без теории, в том числе и без повторения ряда положений, о которых мы говорили в предыдущих наших работах (см. выше), никак не обойтись.

В своих статьях авторы опираются на теорию революций как различных известных теоретиков в этом направлении, так и авторов данной работы с целью пояснения аргументов, почему они определяют тип события тем или иным образом, как определяют, и трактуют другие обстоятельства²⁰. В настоящей статье имеет смысл дать краткую сводку определений тех понятий, которые используют авторы, и пояснения к ним. Кроме того, молодые ученые руководствуются методологическими положениями для анализа революционных событий, разработанными Л. Е. Грининым и А. В. Коротаевым (кстати сказать, это уникальная методология, которая отсутствует в мировой литературе по революциям). Эти моменты мы рассмотрим в следующем разделе.

В статьях рассматриваются несколько типов революционных событий: *революции, революционные эпизоды, квазиреволюционные эпизоды, куволуция и революционные эпохи* (а также упоминаются *аналоги революций*).

Между ними не всегда можно провести четкие границы, и имеющиеся дефиниции не полностью покрывают различные случаи. Для более точной классификации события нами было предложено из многих определений революции²¹ использовать следующие как достаточно релевантные.

«*Революция* представляет собой насильственное свержение режима через массовую мобилизацию... во имя социальной справедливости с целью создания новых политических институтов» (Goldstone 2014: 4; см. также: Голдстоун 2015).

²⁰ В частности, рекомендации были такие: «Есть нюансы, на которые надо обратить внимание: а) нужны определения типа революционного события, которое вы считаете подходящим под ваш случай, определения есть в нижеприведенных работах; б) нужно доказать, опираясь на приведенное определение, что это именно такой тип, по указанным в определении параметрам, характеристикам; в) если вы определили тип события, то потом уже не называйте его иначе (“революция”, а в конце “революционный эпизод”); г) необходимо глубже изучить, что такое цветная революция. Определение надо использовать и посмотреть, насколько оно подходит к событиям, которые вы изучаете».

²¹ Их подробный анализ см.: Гринин и др. 2016; Goldstone *et al.* 2022b; Grinin, Korotayev 2024a, 2024b.

В данном определении Дж. Голдстоуна следует обратить внимание на следующие моменты: 1) революция, как правило, связана с насильственным свержением правительства, даже если протесты мирные; 2) протесты и протестные акции должны быть массовыми; они должны собрать, «призвать», «мобилизовать» большое число участников. Именно массовостью революции отличаются от переворотов. Однако в этом определении есть некоторые недостатки. В частности, надо иметь в виду, что революции (особенно глубокие революции) направлены на смену режима. А смена правительства не всегда означает смену режима. Правительство/президент может запятнать себя преступными делами и отойти от власти, а режим – остаться. В других случаях смена президента (автократ) может одновременно означать и смену режима. В иных случаях смена режима не всегда ведет к полной смене правительства. Так, революция может изменить абсолютную монархию на конституционную, но у власти останется тот же самый монарх, либо правительство уходит в отставку только частично. Нередко режим меняется лишь отчасти (например, в отношении распределения полномочий, изменения законов о выборах и т. п.). Словом, вариантов изменения режима и смены правительства много.

Определение М. Бессинджера связывает революцию именно со сменой режима и изменением политического или социального порядка: «Массовое давление на правительство со стороны населения с целью смены устоявшегося режима и существенного изменения политического и социального порядка» (Beissinger 2022). В этом определении также подчеркиваются: (1) массовость действий; (2) давление на правительство (хотя не уточнено, является ли свержение собственно правительства обязательным условием революции, а как мы видели, здесь возможны варианты). Но, кроме того, (3) свержение режима; (4) изменение политического и социального порядка (тут стоило бы добавить «и/или», поскольку изменение политического порядка не обязательно ведет к изменению порядка социального). Все четыре признака характерны для революций, однако не для всех, а для более глубоких.

Поскольку в одном определении очень сложно зафиксировать все разнообразие революций, тем более различных типов революционных событий, мы решили для облегчения задачи авторов дать систему взаимосвязанных определений революционных событий. Мы рассматриваем эти определения как рабочие – не универсаль-

ные, но достаточно удобные и эффективные (Гринин, Коротаев 2020, 2021, 2023).

Революция – антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: (1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; (2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; (3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов. При этом во время революции могут реализовываться как все пункты – (1), (2) и (3), так и два или даже один пункт из трех. Число задействованных пунктов будет свидетельствовать о силе и масштабе революции. Отметим, что в XXI столетии революции существенно «мельчают», поэтому далеко не все из них сочетают в себе все три пункта. Если проанализировать первый и второй пункты, то мы поймем, что иногда революция удовлетворяется сменой правительства/президента, не предопределяя, кто должен прийти к власти (таковы, скажем, события в Алжире в 2019 г., так называемая «революция улыбок» [см.: Логинова, Хамов 2020]), а иногда революционеры настаивают на приходе к власти именно конкретной личности, партии и т. п. (таковы были события, скажем, в Армении в 2018 г. [Derlugian, Novhannisyanyan 2022]).

В своем определении мы также указываем как обязательный момент массовость протестов, массовую мобилизацию. Если последней нет совсем либо она направлена не на свержение правительства насильственным путем, а на легитимную победу на выборах, но есть все остальное, и революционеры одерживают победу (путем военного переворота, победы на выборах и последующего радикального изменения режима путем законодательных и иных методов и т. п.), то это *аналог революции* (массовая мобилизация либо происходит в легальном поле, либо наступает после свержения старой власти).

Революция из анализируемых событий имела место в Непале в 2025 г. (см.: Мельников 2026), но в рамках революционной эпохи (об этом см. ниже), а также, очевидно, в Сирии. Многие революционные события, которые в научном плане следует классифицировать именно как аналоги революций, в политической терминологии часто называются именно революциями (такова и часто встречающаяся характеристика событий 1952 г. в Египте как «революции»). Поэтому необходимо различение истинных революций и их анало-

гов. В отличие от революций, аналоги, как правило, включают в себя и смену правительства/президента/монарха, и захват власти конкретными силами, поскольку аналог революции реализуется как раз после прихода к власти определенных (революционно настроенных) сил мирным или насильственным путем.

Если революционное событие, которое удовлетворяет требованиям определения революции, не достигает своей цели, терпит поражение, то это событие нужно рассматривать как *революционный эпизод*. Революционные эпизоды имели место в событиях в Танзании (Агеев 2026), Того (Маринина 2026), Эфиопии (Сингх, Гончаренко 2026). Если революционный эпизод очень масштабный, длительный, упорный и (часто) кровопролитный, и при этом терпит поражение, то данное событие должно быть квалифицировано как *неудачная революция*. Если есть массовая мобилизация, но нет требований свержения правительства или для целей свержения правительства и захвата власти не прилагается достаточных усилий (нет свидетельств, что имели место серьезные попытки свергнуть правительство и захватить власть), то это *квазиреволюционный эпизод* (такими признаны протесты в Индонезии в 2025 г. [Гудзенко 2026] и в Марокко [Вахлов 2026]).

Среди типов революционных событий выделяют и такой, как *куволюция*, достаточно характерный для ряда африканских (и не только) стран. В статье о Мадагаскаре описан такой тип (см.: Таукумова 2026).

Куволюция – достаточно специфический тип революционных процессов, когда революционная массовая мобилизация на первой фазе сопровождается военным переворотом на второй фазе революционного процесса; при этом в ходе данного переворота реализуются многие требования участников первой фазы куволюционного процесса. Для обозначения военного переворота второй фазы куволюционного процесса предложено специальное обозначение – «эндшпильный переворот» (endgame coup) (Koehler, Albrecht 2021; подробнее о куволюциях см.: Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021; Коротаев, Аскеров, Исаев 2025; Fain *et al.* 2024; Korotayev, Fain *et al.* 2025)²².

²² Впервые, насколько нам известно, понятие «куволюция» (coupvolution или coup-volution, образовано от слов coup [«переворот»] и revolution [«революция»]) было применено для описания событий 2011 г. в Египте (Toronto 2011; Springborg 2015, 2016). Но оно было, естественно, использовано и для описания египетских

3.2. Революционные эпохи

В ряде публикуемых статей (Мельников 2026; Таукумова 2026; Вахлов 2026; Пусовский 2026) используется понятие *революционной эпохи*. Это важное понятие, которое задает вектор анализа отдельных революционных событий.

Это эпоха, которая открывается революцией или аналогом революции (обычно крупного масштаба). Это длительная полоса перемен, в которой происходят революции, революционные изменения, контрреволюции, различные революционные эпизоды, связанные с борьбой различных политических и социальных сил за политический/социальный курс, власть и пр. (некоторые характеристики революционной эпохи описаны в: Grinin L., Grinin A. 2022a, 2022b, 2022c; Гринин, Коротаев 2021, 2023). В связи с этим понятием важно также иметь в виду, что революционные события, которые происходят в течение революционной эпохи, нужно характеризовать как связанные, а революционные события, случившиеся в другие периоды, – как самостоятельные. Революционная эпоха может быть периодом достаточно частых социальных и политических боев, перемежаясь заговорами, контрреволюциями, массовыми акциями и т. п. Но это может быть и эпоха, которая открывается и закрывается революцией (революциями). При этом после революции, открывшей революционную эпоху, может не быть ожесточенных социально-политических открытых конфликтов, но (а) должны наблюдаться заметные перемены и трансформации; (б) новая революция должна быть явственно связана с первой²³.

событий 2013 г. (см., например: Moll 2014). Этот термин был также применен при анализе событий 2019 г. в Боливии (Cassell 2021). М. Р. Бессинджер предложил называть так и события 2018–2019 гг. в Судане (Beissinger 2019). Но с подобной оценкой событий в Египте и Боливии мы не вполне согласны.

²³ Возможно, таким примером является революционная эпоха в Боливии, где после революции 2003 г. и в дальнейшем прихода к власти Эво Моралеса произошли заметные перемены в области расширения прав коренных народов (кечуа и аймара), а также социальных и политических реформ. А в ходе революции 2019 г. Моралес был свергнут, и к власти пришли правые силы (временным президентом была назначена Жанин Аньес). Но в 2020 г. в стране возникла мощная протестная волна, которая в итоге вновь привела к власти силы, связанные с Эво Моралесом. Президентом стал Луис Арсе, бывший министр экономики и сторонник Моралеса. Жанин Аньес была задержана по обвинению в организации военного переворота 2019 г. против Моралеса и заключена в тюрьму, где пыталась покончить жизнь

Общеизвестно, что в разных странах процесс коренных изменений часто не заканчивается одной революцией, тем более если последняя терпит поражение. Революции сменяются мирными периодами, которые по факту часто бывают временем контрреволюций и диктатур. Но поскольку проблемы, вызвавшие революцию, не удастся решить полностью, по прошествии определенного времени возникает новая революция (а иногда необходимы две или даже три). В такой ситуации можно говорить о революционной эпохе. Но для определения революционной эпохи, на наш взгляд, все же имеет смысл исходить из того, что революции в ней логически и идеологически связаны между собой. В этом случае каждая следующая революция являет собой новую попытку решить не улаженные предыдущими революциями проблемы и противоречия (именно так были связаны революции 1905 и 1917 гг. в России), либо следующая революция органично вытекает из логики предыдущей (как было с китайскими революциями 1911, 1925–1927 и 1946–1949 гг.). Такую связь, однако, не всегда легко установить.

Ряд примеров революционных эпох можно найти в (Гринин, Коротаев 2023). Мы подчеркиваем: исключительно важно осознавать, что *понять революционное событие, происходящее в рамках революционной эпохи, можно, только поняв логику и ход этой эпохи, где отдельные события являются ее составными частями. Отдельные (вне эпохи) революционные события определить легче, чем в рамках эпохи.*

Поэтому авторы акцентировали внимание на том, чтобы определить, являлись ли революционные события, которые они анализировали, совсем новым эпизодом (не было раньше таких в исследуемом ими обществе или были давно) или это продолжение революционной эпохи, как в Непале, Мадагаскаре и других странах.

самоубийством (подробнее см.: Павлова 2023). По результатам события 2020 г. в Боливии скорее соответствуют понятию «революция». Но поскольку они были ответом на революцию 2019 г. и теснейше с ней связаны, то назвать ее так нельзя: обычно одна революция не следует сразу за другой, такие перевороты в рамках революции называются ее стадиями. Назвать это контрреволюцией так же сложно, как и революционным эпизодом (поскольку эпизод привел к свержению правительства, а это уже революция), хотя и вполне допустимо с учетом, что данные события происходят в процессе революционной эпохи. Более точным было бы сказать, что 2020 г. – это новая стадия боливийской революции, начатой в 2019 г., а революционная эпоха в Боливии, судя по всему, продолжается.

Тогда нужно изучить предыдущие события и кратко рассказать о них. В этом случае характеристики эпизодов могут поменяться кардинально.

4. Методологические рекомендации

4.1. Схема изложения

Все статьи, которые публикуются в спецсекции, строились по определенной схеме, которая представляется читателю в начале статьи. Чтобы читателю было легче ориентироваться, мы приводим эту схему описания событий:

- Тип события (при этом, если тип события определяется как революция или ее аналог, то желательно указать и тип революции – социальная, демократическая или иная).
- Длительность события.
- Повод, то есть событие, выступившее толчком, триггером революционного протеста (но причины недовольства, как правило, намного глубже).
- Причины.
- Политические силы (лидеры) во главе события (либо определяется, что перед нами движение без явных лидеров).
- Вмешательство (помощь) извне.
- Количество жертв.
- Особое название (если есть), обычно выносится в название материала.

Дополнительные характеристики касались описания масштаба события и степени ожесточенности. Например, революционные эпизоды можно делить по числу участников на рядовые, средние, крупные и очень крупные. Для анализа брались главным образом только крупные и очень крупные эпизоды. Мы предложили следующие критерии для их разграничения:

- локальный и даже столичный с не очень большим количеством участников (в сотни) – *рядовой*;
- локальный с числом участников в тысячи – *средний*;
- столичный с участниками в тысячи или эпизод, в котором участвует более пяти городов, – *крупный*;
- национальный с числом участников во многие десятки тысяч – *очень крупный*.

Также мы предложили делить революционные эпизоды по длительности события на *краткосрочные* (до месяца), *среднесрочные* (до года), *длительные* (более года), *очень длительные* (более трех лет). И указываем временную характеристику события.

Предложено также определить степень ожесточения (насилия) революционного события: *бескровные*, *умеренно насильственные* (десятки погибших, сотни раненых), *средненасильственные* (сотни погибших, тысячи раненых), *высоконасильственные* (тысячи погибших, десятки тысяч раненых).

4.2. Установки на более глубокое исследование причин революционных волнений

Общие рекомендации формулировались так:

- Недостаточно просто изложить события согласно логике СМИ и тем более определенного (обычно западного) их направления. Весьма часто это препарированная логика, которая должна подвести читателя к выводам, нужным авторам этих материалов или их заказчикам.

- Нужно вскрыть подлинные причины.

- Нужно понять, кто и что стоит за требованиями и лозунгами. К примеру, почему вдруг молодежь, которая ранее не беспокоилась о бюджете или о том, что у нее нет влияния на принятие решений, стала столь беспокойной, что устроила революции? Многих ли беспокоят такие вещи? Возможно, за этими требованиями стоят иные силы, которые используют молодежь.

Конкретные рекомендации

1. Стараться отойти от поверхностного взгляда, какой излагают СМИ (особенно западные и прозападные). Ваше изложение в основном следует их нарративам, но это обычно предвзятые источники, часто проплаченные или направленные на определенные цели.

2. Можно и нужно использовать все источники, чем больше источников, тем лучше. Но нужно и важно искать и независимые источники, не чураться и официальных правительственных, в итоге формировать свой взвешенный аналитический взгляд.

3. Все правильно, когда вы пишете о коррупции, недостаточной демократии и т. п. как о причинах недовольства. Но надо иметь в

виду, что коррупция – это, к сожалению, скорее правило, чем исключение. И мы ее наблюдаем даже в развитых демократиях. Но главное, что коррупция, недемократичность и тому подобные вещи – это стандартный набор лозунгов цветных революций, которые готовятся и инспирируются из-за рубежа или иноагентами типа НКО, получающих иностранное финансирование.

4. С одной стороны, революции всегда имеют серьезные причины, поэтому недовольство протестующих в той или иной мере обосновано. Но, с другой стороны, надо искать более глубокие причины (кому выгодно? Нет ли стремления у США, других западных стран, Израиля, прозападных проплаченных НКО, агентств типа признанной нежелательной в России американской организации USAID, иных организаций к свержению конкретного правительства и т. п.?). Часто они находятся.

5. Можно посмотреть, какое место занимает та или иная страна в геополитических расчетах США и других государств, насколько режим/правительство в них неуютны. К примеру, Виктора Орбана пытались сместить с поста премьер-министра с помощью протестов, потому что Венгрия – как кость в горле у Евросоюза. Посмотрите на недавние события в Молдове, Румынии, насколько там пытаются влиять на выборы.

6. Необходимо искать координаторов, даже если создается впечатление, что все происходит спонтанно и стихийно, потому что синхронные события и всплески протестной активности редко происходят спонтанно.

7. Революционные события сегодня, если они проходят организовано, требуют денег, материалов, подготовки. Надо попытаться найти, откуда брались ресурсы.

8. Поискать, не было ли финансирования организаторов из-за рубежа.

9. Желательно охарактеризовать тональность информации со стороны новостных агентств, политиков и т. п., как относится к революционерам, как – к правительству. В отсутствие конкретных данных о поддержке из-за рубежа это лакмусовая бумага.

10. Важно исследовать, в частности, много ли иностранных СМИ в стране, либо нет ли такой ситуации, что местные СМИ скуплены крупными зарубежными корпорациями, много ли иностранных

НКО²⁴. Стоит обратить внимание, что как только правительства начинают жестко контролировать НКО, революционный подъем часто идет на спад.

11. Нужно понять, являются ли исследуемые события в какой-то мере продолжением предыдущих. Если это так, то речь может идти о революционной эпохе.

12. Попытаться найти причины, почему какие-то события, нередко не столь вопиющие, становятся триггерами волнений, тогда как другие не становятся.

5. Анализируемые события в глобальном интерьере

Есть ряд моментов глобального характера, которые важно учитывать при изучении представленных в журнале революционных событий.

5.1. Географический охват

Как мы говорили, имеется существенное отличие третьей волны от первых двух, а именно: события в третьей происходят по всему миру. Последнее объясняется факторами, которые усилились после начала процесса реконфигурации Мир-Системы в результате глобального финансово-экономического кризиса и «арабской весны». Это, в частности, замедление и приостановка, а затем откат глобализации; в целом Мир-Система после 2013 г. вступила в кризис, причем затяжной, связанный со сменой мирового порядка. 2014 г. – начало прямой конфронтации между РФ и Западом, что было вызвано именно революцией на Украине, которая стала ареной геополитической борьбы. Затем наступила первая каденция Д. Трампа (2017–2020) с его волевой приостановкой свободной торговли, огромными импортными пошлинами, разрывом налаженных торгово-экономических связей и т. п. 2020–2022 гг. – это уже упоминавшиеся ковидные локдауны. С 2022 г. по настоящее время – это специальная военная операция РФ на Украине. С 2023 г. происходит резкое обострение ситуации на Ближнем Востоке (события в Газе) с попытками дестабилизировать ситуацию в Иране, коллапс режима Асада в Сирии, наконец, американо-иранская вой-

²⁴ После закрытия уже упоминавшегося американского агентства USAID, признанного в России нежелательной организацией, например, выяснилось, что 90 % украинских медиа получали его гранты и дотации (Практически... 2025).

на, которая, по сути, продолжается. Вторая каденция Трампа с начала 2025 г. дезорганизует мировые связи и торговлю.

В этом смысле все анализируемые события наглядно демонстрируют огромный пространственный разброс эпизодов. Рассмотрены события в азиатских странах, однако отнюдь не соседних: Непал, Индонезия; и африканских, тоже не соседних – на Мадагаскаре, в Марокко, Того, Эфиопии, Танзании²⁵.

5.2. Глобальный Юг. Революционный тренд на периферию

Что объединяет все страны, революционные кейсы в которых анализируются?

Первое. Все они представители Глобального Юга, роль которого постоянно растет. Она растет потому, что его страны развиваются демографически, экономически, культурно и политически.

Второе. Все они находятся в процессе модернизации (хотя и в разных ее фазах)²⁶. А, как мы показывали, модернизация – вовсе не гладкий путь (см.: Гринин 2019, 2025; Коротаев, Гринин и др. 2017; Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Халтурина и др. 2010; Grinin 2022j, 2026; Grinin L., Grinin A. 2026). Процессы модернизации создают повышенный риск дестабилизаций и революций, поскольку возникают крупные диспропорции, особенно между быстро развивающимися технологиями, урбанизацией, образованием и архаичными институтами и отношениями, идеологией, представлениями огромной части населения, особенно сельского, в значительной мере малограмотного, а то и вовсе неграмотного. При этом рост знаний о том, как живут в мире, сравнение с бедностью, отсталостью, недостатками в своих странах – все это повышает революционные/протестные настроения образованной части населения, в первую очередь молодежи, и, как уже сказано, создает завышенные ожидания. Причем везде модернизация идет достаточно быстро. А быстрая модернизация особенно активно ведет к трансформации старых проблем и возникновению новых. Соответственно растут риски революционной дестабилизации.

²⁵ Эпизод в Грузии (Пусовский 2026) – это скорее событие, которые относится к другого рода явлениям, так как в Грузии продолжается революционная эпоха, начавшаяся еще в ранних 1990-х гг.

²⁶ Попутно отметим, что процессы модернизации идут во многих странах Глобального Юга и почти во всех странах Тропической Африки.

Корреляция между периодом модернизации и повышенным риском революций установлена давно (приведем ссылки только на работы: Huntington 1968; Eisenstadt 1966, 1978; полный список литературы см.: Гринин 2025). В этом же номере журнала публикуется статья Л. Е. Гринина, где подробно показываются связи между модернизацией и ростом революционной активности, потому нет смысла повторять эти идеи. Возьмем лишь один абзац. «Рост урбанизации неизбежно ведет к “расползанию” городских трущоб, в которых в странах Тропической Африки сегодня проживает около половины городских жителей (Урбанизация... 2024), антисанитарии, росту преступности и т. п.

И только достаточно длительное время и большие усилия государства помогут смягчить эти проблемы. Расширение государственного аппарата, необходимое для укрепления государства и модернизации, ведет к росту коррупции, nepотизма, африканского варианта местничества (по племенным и этноплеменным признакам). Рост мобильности населения обостряет проблему плохих дорог и коммуникаций. Распространение грамотности ведет к росту исламизма, так как исламисты не довольствуются объяснениями мулл, а пытаются сами понять смысл Корана и толковать его в применении к конкретной жизни. Увеличение числа студентов ведет к росту завышенных ожиданий и активности молодежи, свидетельством чего стали “арабская весна” и последовавшие за ней события» (Гринин 2026: 77). Неудивительно, что рост образованной молодежи ведет к тому, что она становится авангардом протестов.

Третье. Объединяет указанные страны и особая демографическая структура населения, а именно повышенный процент молодежи, так называемые «молодежные бугры», и в целом более высокий уровень рождаемости, чем в западных странах. О «молодежных буграх» сказано в некоторых публикуемых статьях подробнее. Быстрое развитие электронных форм коммуникаций и возможности объединяться особо релевантны для молодежи.

Четвертое. Все исследуемые страны – это дальняя периферия Мир-Системы. Мы пришли к выводу, что революционный вектор в последние два десятилетия все заметнее уходит на Глобальный Юг, особенно в Африку (см.: Grinin, Korotayev 2024a, 2024b). Если первая волна – это прежде всего бывшие республики СНГ и Сербия, то есть относительно близкая к центру периферия, то вторая вол-

на – «арабская весна», это арабские страны, уже не ближняя периферия, хотя отголоски событий нашли свое место и в центральных странах или близких к центру обществах, в том числе и в США. Но это были в целом не особенно масштабные революционные эпизоды. Третья волна – больше периферийные и дальнепериферийные страны (хотя и были события в Белоруссии, Гонконге и других местах). Да, ряд революционных событий третьей волны происходил в странах центра или близкой периферии, но это были так называемые революционные движения без революций, то есть протесты, хотя и мощные, не были направлены на свержение правительств (например, «желтые жилеты» во Франции, женское движение в Польше). Но наиболее характерные для революционных боев события происходили на периферии.

6. Молодежный и технологический аспекты анализируемых событий

Авторы пытались поднять вопрос о том, начинают ли революции зумеров новую волну революций. У некоторых из них есть интересные мысли и наблюдения. Но дать окончательный ответ на этот важный вопрос еще нельзя, он остается открытым. Пока неясно – если это новая волна, то в чем особенность этой новой волны, в чем единство источника волны? Ниже мы рассмотрим отдельные аспекты этой проблемы, но в целом ее требуется исследовать более глубоко. Один из вопросов, над которыми думали авторы, но полного ответа пока не нашли, заключался в том, что есть несовпадение по возрасту. Поколение зумеров отсчитывается от 1995–1997 гг. рождения. То есть в 2025 г. ранним зумерам было уже по 28–30 лет. Но основной состав молодежи в исследуемых событиях был моложе. Почему вдруг поздние зумеры стали революционерами? Или это просто броское название? Или появились какие-то особые характеристики и качества, каких не было раньше? Или события изменились? Вопросы сложные, но важно было хотя бы подумать над ними.

Прежде всего, и ранние зумеры, и миллениумы тоже активно участвовали в революционных событиях третьей волны, но в других странах, в тех же США, в Гонконге, Белоруссии, Иране, Шри-Ланке и т. д. Однако активное участие позднего поколения Z в рассматриваемых случаях, на наш взгляд, связано с тремя факторами

(возможно, их больше). Первый – быстрый рост образования и самосознания населения, который особенно заметно проявляется у молодежи. Десять лет назад уровень образования, главным образом высшего, мог быть еще недостаточным для этого, особенно в африканских странах. Второй – быстрый рост студентов и выпускников вузов. В Египте и Тунисе этот рост стал заметен на 15 лет раньше, чем в Непале. Третий – запоздалое распространение Интернета и социальных сетей в рассматриваемых странах; они играли важную роль в революциях конца первой и второй волны в странах, где технологии распространились раньше.

Важно понимать, что молодежь обычно активно участвует в большинстве революций (Устюжанин, Зинькина, Коротаев 2023; Коротаев, Сойер и др. 2021; Goldstone 2002; Korotayev, Khokhlova 2025; Sawyer *et al.* 2022; Гринин 2017а, 2017б). Это не случайно, поскольку, во-первых, молодежь – весьма активная часть населения, кроме того, меньше обремененная семейными и житейскими заботами. Во-вторых, в сложные периоды экономики именно молодежь оказывается в весьма ущемленном положении. В-третьих, во многих странах (в том числе и тех, события в которых анализируются в представленных статьях) имеются пропорционально повышенные количества населения в молодежных когортах («молодежные бугры»), которые возникают в результате так называемого демографического перехода. В-четвертых, постоянно растет доля студентов и образованной молодежи, которые могут быть особенно активными. В-пятых, молодежь в силу психологии и недостатка жизненного опыта более склонна к бунтарству. Это является одновременно и положительным, и отрицательным качеством. С одной стороны, молодежь особенно чутка как к несправедливостям и порокам общества, так и к новым веяниям, в том числе и в других странах. С другой – молодые люди многого не понимают и, не имея нужного опыта, пытаются ввести институты (в частности, развитую демократию), к которым их страны еще не готовы. В-шестых, молодежь наиболее активно овладевает новыми видами информационных технологий, что стало особенно важным в XXI столетии. В целом распространение ИКТ и Интернета ведет к революционным протестам молодежи и особым формам ее сплочения (Гринин 2012, 2017а; Жданов, Коротаев 2026а, 2026б; Коротаев, Романов и др. 2018; Grinin 2022g; Tkachuk *et al.* 2022), что продемонстриро-

вано зумерами практически во всех исследуемых странах. Первая волна опиралась еще на электронную почту, вторую (и последние события первой, например в Молдавии) нередко связывают с так называемыми «твиттерными революциями», третья волна еще более сильно связана с социальными сетями и Интернетом. Иногда молодежные характеристики революционных событий оказываются наиболее яркими. Так, события 1968 г. во Франции и других странах четко связываются со студенческими движениями.

Таким образом, участие молодежи в революционных событиях традиционно, так же как и то, что молодежь может быть авангардом или ядром протестующих. В анализируемых эпизодах читатель увидит очень активное участие молодежи и молодежных организаций. Также он заметит огромную роль новых информационных технологий, в том числе и то, как именно борьба вокруг них стала основой революции в Непале.

Однако, несмотря на сказанное о традиционности участия молодежи в революциях, стала активно распространяться идея о так называемых революциях поколения Z (см. в особенности: Chenoweth, Cebul 2026). Авторы анализа много внимания уделяют этому интересному аспекту. Но с точки зрения теории встает вопрос: а какие основания выделять их как новую революционную волну? Выше мы говорили, что волна – это революции в разных странах (в крупном регионе или в целом в мире). Но обязательно у революций одной волны должен быть (помимо национальных причин) и какой-то общий источник: мировой кризис, как в случае «арабской весны», крупная война (как у волн после Первой и Второй мировых войн), активизация США и Запада по продвижению демократии, как у волны 2000-х гг. (первой волны XXI столетия). Перед авторами статьи была поставлена задача попытаться найти эти общие причины. Однако таких общих причин им найти пока не удалось. Нам тоже.

Возможно, таких причин и не существует.

Был поставлен еще один важный теоретический вопрос, связанный с волнами революций. Есть у революций зумеров общие черты и источники или нет? От этого зависит решение теоретического вопроса, новая это волна или какой-то всплеск волны, идущей с 2018 г. Некоторые общие черты выявить удалось. Это: (1) большая доля молодежи, которая относится по возрасту к старшей части

поколения Z; (2) молодежные лидеры; (3) активное использование социальных сетей и других форм электронной коммуникации для организации протестов; (4) в целом широкое использование сетевых методов; (5) быстрая политизация лозунгов; (6) общий символ с интерпретациями (см. Приложение).

Однако принципиально эти черты не отличаются от того, что было в «твиттерных революциях».

Поэтому характеристики еще не складываются в отдельную волну. Пока вырисовывается решение – признать события 2024–2025 гг. с активным участием зумеров своего рода отдельной подволной, которая дает новое ускорение третьей волне.

Тем не менее вопрос не закрыт и мы еще вернемся к нему в нашей заключительной статье в одном из следующих номеров журнала.

Заключение. Возможность завершения третьей волны

С 2023 г. число революционных эпизодов стало снижаться, поэтому все более привлекательной казалась идея, что третья волна скоро завершится. В 2024 г. мы даже опубликовали статью (Семичев 2024) с названием «Революционный процесс в 2023 г. Завершение третьей революционной волны XXI в.?». Мы в целом стали склоняться к этой идее. В 2022 г. наблюдался новый пик подъема революционного движения в мире, причины которого были достаточно разнообразны: от ковида (в Канаде и Непале) до искусственно устроенной нехватки продовольствия в борьбе за продвижение зеленой повестки в Шри-Ланке с сохранением и прежних причин. Однако с 2023 г. начался спад (см.: Там же). В 2024 г. спад продолжился (см. выше список революционных событий третьей волны). Однако с 2025 г. наблюдается новый подъем, и он во многом связан с активизацией молодежного движения. Как уже сказано, очередные точки кризиса в процессе реконфигурации Мир-Системы влияют на активизацию продолжающейся третьей волны, но они будут влиять и на следующие революционные волны. Поэтому не исключено, что кризис Мир-Системы переведет третью волну в четвертую без особых рубежных событий. Впрочем, может наблюдаться и резкий перерыв между третьей и четвертой волнами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Символика протестов²⁷

Среди множества знаков (черная одежда как траур по демократии, визуальные «черные экраны» и стилизация под оповещения о чрезвычайной ситуации, единые хештеги протестной волны) особое место занял пиратский флаг из аниме One Piece – «Веселый Роджер» команды соломенной шляпы, или же пират в соломенной шляпе (см. Рис. 4).

Рис. 4. Флаг пиратов соломенной шляпы (One Piece)

Источник: Wikimedia Commons. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/34/Straw_Hat_Pirates%27_Jolly_Roger.jpg (дата обращения: 21.02.2026).

Важно уточнить, кто именно стоит за этим образом. «Пират в соломенной шляпе» – это Монки Д. Луффи, главный герой японской манги и аниме One Piece (автор Эйитиро Ода). Луффи собирает команду «пиратов соломенной шляпы», бросает вызов авторитарным и коррумпированным режимам внутри мира произведения и постоянно воспроизводит сюжет освобождения. Острова и города в One Piece часто контролируются тиранами, криминальными кланами или «легальными» властями, которые держатся на страхе; победа достигается через солидарность «обычных людей», разоблачение злоупотреблений и разрушение навязанных иерархий. Политический смысл, который считает аудитория Gen Z, – это архетип антиэлитного освобождения, где центральные слова – свобода, дружба, отказ подчиняться несправедливым правилам и моральное право сопротивления. Отметим, что символ вполне соответствует

²⁷ Для описания символики мы используем фрагмент из статьи В. Э. Гудзенко (2026).

культуре зумеров, среди которых японские манги и аниме исключительно популярны уже не менее 15–20 лет, то есть зумеры вырастают с ними.

Распространение символа соломенной шляпы оказалось очень широким. Оно не ограничилась Индонезией и вообще Юго-Восточной Азией и Африкой. Символы из One Piece встречались по всему миру, а протестующие – от Мадагаскара до Перу – демонстрировали творческие вариации флага пиратов соломенной шляпы как символ освобождения «обычных людей» от коррумпированных лидеров (Chenoweth, Sebul 2026). Этот символ циркулирует не как локальный культурный маркер протестов одной страны, а как широко транслируемый через цифровые платформы элемент, который используют молодые революционеры поколения Z.

Литература

Агеев, М. А. 2026. Революционный эпизод в Танзании в 2025 г. *История и современность* 4 (в печати).

Бессент признался, что США помогли вызвать массовые протесты в Иране. 2026. *РИА Новости* 5 февраля. URL: <https://ria.ru/20260206/bessent-2072588353.html>.

Васильев, А. М., Исаев, Л. М., Коротаев, А. В., Кожанов, Н. А., Мардасов А. Г., Семенов, К. В., Хайруллин, Т. Р. 2019. *Схватка за Ближний Восток. Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта*. М.: ЛЕНАНД.

Вахлов, М. А. 2026. Квазиреволюционный эпизод в Марокко 2025 г.: протесты GenZ 212. *История и современность* 3 (в печати).

Голдстоун, Дж. А.

2006. К теории революции четвертого поколения. *Логос* 5(56): 58–103.

2015. *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

Голдстоун, Д. А., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2022. Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования* 4: 108–119. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.09.

Голдстоун, Дж. А., Гринин, Л. Е., Устюжанин, В. В., Коротаев, А. В. 2024. Революционные события XXI века: предварительный количественный анализ. *История и современность* 1: 3–26. DOI: 10.30884/iis/2024.01.01.

Гринин, А. Л.

2025а. *Борьба за новый мировой порядок. История. Современность. Будущее*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

2025б. Пути к новому мировому порядку: прогнозы и сценарии. Статья первая. Краткие прогнозы движения Мир-Системы к новому мировому порядку. *История и современность* 3: 3–19. DOI: 10.30884/iis/2025.03.01.

2025в. Пути к новому мировому порядку: прогнозы и сценарии. Статья вторая. Анализ подходов и сценариев движения Мир-Системы к новому мировому порядку. *История и современность* 4: 49–69. DOI: 10.30884/iis/2025.04.03.

Гринин, Л. Е.

2012. Арабская весна и трансфигурация Мир-Системы. В: Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В., Ходунов, А. С. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. М.: URSS, ЛИБРОКОМ. С. 188–223.

2016. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем. *История и современность* 1: 20–63.

2017а. Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд. *Историческая психология и социология истории* 2: 5–42.

2017б. Российская революция в свете теории модернизации. *История и современность* 2: 22–57.

2018. США в эпоху Д. Трампа: слабости и перспективы Америки. *Историческая психология и социология истории* 2: 144–169. DOI: 10.30884/ipsi/2018.02.05.

2019. Гл. 2. Модернизация и модернизационные ловушки в процессе развития. В: Гринин, Л. Е. (ред.), *Длинные волны, современная экономика и перспективы грядущих трансформаций в XXI веке*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 51–86.

2020а. Продолжающаяся реконфигурация Мир-Системы и возможные процессы дестабилизации в афразийской макроне нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Ч. 1. Волгоград: Учитель. С. 5–14.

2020б. Сложилась ли в Америке революционная ситуация? *Век глобализации* 3: 31–44.

2020в. Революции как фактор дестабилизации и реконфигурации Мир-Системы в XXI столетии и Афразийская макроне нестабильности. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Часть 1 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 144–178.

2021. Роль революций в дестабилизации и реконфигурации Мир-Системы в XXI столетии и в будущем афразийской макроне нестабиль-

ности. В: Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *Количественный анализ и прогнозирование рисков социально-политической дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности*. М.: ЛЕНАНД. С. 443–463.

2022. Продолжающаяся революционная волна на Ближнем Востоке и в Африке. В: Гринин, Л. Е., Хайруллин, Т. Р. (отв. ред.), *Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки: материалы конференции*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 24–34.

2023. Ускорение реконфигурации Мир-Системы в связи с СВО и возможные сценарии будущего. Ст. 1. Как СВО влияет на реконфигурацию Мир-Системы. *Век глобализации* 2: 50–72. DOI: 10.30884/vglob/2023.02.06.

2025. О некоторых характеристиках модернизации в странах Африки и их влиянии на процессы дестабилизации. *История и современность* 4: 3–36.

2026. Африка, Россия и БРИКС: аспекты взаимодействия и мир-системные перспективы. Ст. 1. Африка в мир-системной перспективе. *История и современность* 2: 59–88.

Гринин, Л. Е., Билюга, С. Э., Коротаев, А. В., Малыженков, С. В. 2017. Доля студентов в общей численности населения и социально-политическая дестабилизация: опыт количественного анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* 4(87): 35–47.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л.

2020. Революции XX века: теоретический и количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 5: 130–147.

2021. Революции XX века: общие причины и классификация. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макрзоне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 36–69.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2022. Новая волна революционных процессов в афразийской макрзоне нестабильности и ее влияние на смежные мир-системные зоны. *История и современность* 3: 3–22.

2023. Волны и линии революций XX в.: основные причины, тренды и последствия. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *Эволюция: Эволюция в философском аспекте*. Волгоград: Учитель. С. 166–259. DOI: 10.30884/978-5-7057-6378-8_05.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л., Коротаев, А. В. 2024. Контурь нового мирового порядка и БРИКС+. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право* 17(5): 61–81.

Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Коротаев, А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Учитель.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.

2020. Методологические пояснения к исследованию революционных событий. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 11. Ч. 2. Волгоград: Учитель. С. 854–861.

2021. Революционные события XXI века и теория революции. Методологические пояснения. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 12. Волгоград: Учитель. С. 164–181.

2023. Теория революции и методология анализа в приложении к революционным событиям XXI в. *История и современность* 3: 5–27. DOI: 10.30884/iis/2023.03.01.

2025а. Пятое поколение исследователей революционных событий и революций XXI века. *Полис. Политические исследования* 6: 160–172.

2025б (отв. ред.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 16. Волгоград: Учитель.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.).

2020. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 11: в 2 ч. Волгоград: Учитель.

2021. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макрозоне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель.

2022. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 13. Волгоград: Учитель.

2023. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 14. *Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе*. Волгоград: Учитель.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Хайруллин, Т. Р. (отв. ред.). 2024. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 15. Волгоград: Учитель.

Гудзенко, В. Э. 2026. Код One Piece. Протесты в Индонезии в 2025 г. как элемент линии революций поколения Z в рамках глобальной волны революционных событий. *История и современность* 3 (в печати).

Жданов, А. И., Коротаев, А. В.

2026а. Революционная активность в цифровую эпоху: особенности возникновения и развития в контексте политических режимов (часть 1). *Социологические исследования* 8: 3–14.

2026б. Революционная активность в цифровую эпоху: особенности возникновения и развития в контексте политических режимов (часть 2). *Социологические исследования* 9: 3–15.

Клочкова, И. П. 2021. Белорусская революция 2020–2021 гг. *История и современность* 3: 73–86.

Коротаев, А. В. 2014. О возможных экономико-психологических факторах украинской революции 2014 года. *Историческая психология и социология истории* 7(1): 56–74.

Коротаев, А. В., Аскеров, М.-А. И., Исаев, Л. М. 2025. Августовские события 2024 года в Нигерии (Несостоявшаяся куволуция в контексте западноафриканских политических процессов). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)* 2(117): 137–159.

Коротаев, А. В., Билюга, С. Э., Шишкина, А. Р. 2016. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика* 7(4): 72–94.

Коротаев, А. В., Бурова, А. Н. 2026. События «арабской весны» в Марокко как частично успешный революционный эпизод? *Полития* [в печати].

Коротаев, А., Васькин, И., Билюга, С. 2017. Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 16(1): 9–49.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Билюга, С. Э., Васькин, И. А., Слинко, Е. В., Шишкина, А. Р., Мещерина, К. В. 2017. *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

Коротаев, А., Гринин, Л., Устюжанин, В., Файн, Е. 2025. Пятое поколение исследований революции. Систематический обзор. *Логос* 35(1): 191–316.

Коротаев, А., Зинькина, Ю. 2011. Египетская революция 2011 г. (окончание). *Азия и Африка сегодня* 7(648): 15–21.

Коротаев, А. В., Малков, С. Ю., Бурова, А. Н., Зинькина, Ю. В., Ходунов, А. С. 2012. Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, Г. Г., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.

Коротаев, А. В., Лиюкумович, Я. Б., Хохлова, А. А. 2021. Революционные события в Мали (1960–2021 гг.). В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в африканской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 329–370.

Коротаев, А. В., Мещерина, К. В., Исаев, Л. М., Искоков, А. С., Куликова, Е. Д., Дельянов В. Г., Херн, У. Д. 2016. Арабская весна как триггер глобальной социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 7. *Арабская весна в глобальном контексте*. Волгоград: Учитель. С. 22–126.

Коротаев, А., Мещерина, К., Каткова, В. 2019. Эхо «арабской весны» в странах Африки южнее Сахары: опыт количественного анализа. *Азия и Африка сегодня* 1: 17–24.

Коротаев, А. В., Мещерина, К. В., Куликова, Е. Д., Дельянов, В. Г. 2017. Арабская весна и ее глобальное эхо: количественный анализ. *Сравнительная политика* 8(4): 113–126.

Коротаев, А. В., Романов, Д. М., Билюга, С. Э., Халтурина, Д. А. 2018. Влияние удельного числа интернет-пользователей на потенциал дестабилизации: предварительный количественный анализ. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 9. *Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте*. Волгоград: Учитель. С. 222–247.

Коротаев, А., Романов, Д., Медведев, И. 2019. Эхо «арабской весны» в Восточной Европе: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 18(1): 31–81.

Коротаев, А., Сойер, П., Гладышев, М., Романов, Д., Шишкина, А. 2021. О некоторых социально-демографических факторах интенсивности антиправительственных демонстраций: доля молодежи в населении, урбанизация и протесты. *Социологическое обозрение* 20(3): 98–128.

Коротаев, А. В., Соковнина, Е. М., Шадрова, А. О. 2020. Эхо Арабской весны в странах Азии: опыт количественного анализа. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Ч. 2. Волгоград: Учитель. С. 629–665.

Коротаев, А. В., Халтурина, Д. А., Малков, А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева, С. В., Зинькина, Ю. В. 2010. *Законы истории: Математиче-*

ское моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. М.: ЛКИ/URSS.

Коротаев, А. В., Шишкина, А. Р., Лухманова, З. Т. 2017. Волна глобальной социально-политической дестабилизации 2011–2015 гг.: количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 6: 150–168.

Костин, М. С. 2021. «Красочная революция» 2015–2016 гг. в Северной Македонии. *История и современность* 3: 55–72. DOI: 10.30884/iis/2023.03.03.

Логинова, А. А., Хамов, А. В. 2020. Некоторые революционные события в Африке и на Ближнем Востоке (2005–2019). В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Ч. 2. Волгоград: Учитель. С. 919–930.

Малков, С. Ю., Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Кузьминова, Е. В. 2013. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Полис. Политические исследования* 4: 137–162.

Маринина, М. Д. 2026. Протесты 2025 г. в Того: революционный эпизод в рамках революционной эпохи. *История и современность* 3 (в печати).

Мельников, З. П. 2026. Революция поколения Z в Непале (сентябрь 2025 г.). *История и современность* 3 (в печати).

Наемники из Грузии рассказали, кто стрелял по митингующим на «майдане». 2017. ТАСС 12 декабря. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4806889>.

Павлова, А. И. 2023. Революционный эпизод в Боливии (июль – ноябрь 2020 г.) в ретроспективе революционной эпохи. *История и современность* 3: 123–138.

Пусовский, Д. В. 2026. Революционные события второй половины 2024 – начала 2025 г. в Грузии. *История и современность* 2: 171–182. DOI: 10.30884/iis/2026.02.06.

Семичев, Д. М. 2024. Революционный процесс в 2023 г. Завершение третьей революционной волны XXI в.? В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Хайруллин, Т. Р. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 15. Волгоград: Учитель. С. 124–147. DOI: 10.30884/978-5-7057-6357-3_08.

Сингх, Х., Гончаренко, Д. Р. 2026. Мятеж ФАНО в Амхаре: катализатор революции или прелюдия к региональному эффекту домино? *История и современность* 2: 183–194. DOI: 10.30884/iis/2026.02.07.

Таукумова, К. Ю. 2026. Куволюция 2025 г. в Мадагаскаре. *История и современность* 2: 145–170. DOI: 10.30884/iis/2026.02.05.

Урбанизация как инструмент развития и экономического роста Африки. 2024. URL: https://roscongress.ru/materials/urbanizatsiya-kak-instrument-razvitiya-i-ekonomicheskogo-rosta-afriki/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F.

Устюжанин, В. В., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2021. Революционные события XXI века в афразийской макроне нестабильности и некоторых других мир-системных зонах: предварительный количественный анализ. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 106–144.

Устюжанин, В. В., Зинькина, Ю. В., Коротаев, А. В. 2023. Опасная молодежь: почему революции принимают вооруженную или невооруженную форму? *Социологические исследования* 5: 82–96.

Устюжанин, В. В., Семичев, Д. М., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2026. Революционная база данных (2000–2024), V1. 102. URL: https://social.hse.ru/mr/rev_bd.

Хохлов Н., Васильев А., Беличенко А., Кирдянкина П., Коротаев А. 2021. Эхо Арабской весны в Западной Европе: опыт количественного анализа. *Международные процессы* 19(2): 21–49.

Акаев, А., Korotayev, A., Issaev, L., Zinkina, J. 2017. Technological Development and Protest Waves: Arab Spring as a Trigger of the Global Phase Transition? *Technological Forecasting and Social Change* 116: 316–321.

Akhmedov, V. 2022. The Syrian Revolution. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 707–723.

Barmin, Y. 2022. Revolution in Libya. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 725–738.

Baskan, B. 2022. Turkey. The (Gulen) Cemaat and the State: An Unfinished Conquest. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 885–897.

Beck, C. J. 2011. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves: Five Centuries of European Contention. *Social Science History* 35(2): 167–207. DOI: 10.1017/S0145553200011482.

Beck, C. J., Bukovansky, M., Chenoweth, E., Lawson, G., Erickson, Nepstad, Sh., Ritter, D. P. 2022. *On Revolutions: Unruly Politics in the Contemporary World*. New York: Oxford University Press.

Beissinger, M.

2019. Personal communication of October 26.

2022. *The Revolutionary City*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Cassell, K. J. 2021. *Representation in the Americas: Perceptions of External Efficacy in the 2018/19*. Nashville, TN: Vanderbilt University.

Chenoweth, E., Cebul, M. 2026. Why Gen-Z is Rising. *Journal of Democracy* 37(1): 5–14.

Davies, J. C. 1962. Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review* 27(1): 5–19.

Derluguian, G., Hovhannisyan, R. 2022. The Armenian Revolution of 2018: A Historical-Sociological Interpretation. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 899–922.

Eisenstadt, S. N.

1966. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

1978. *Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. New York: Free Press.

Fain, E., Issaev, L., Korotayev, A. 2024. Coupvolution as a Mechanism of Regime Change in the Sahel. In Besenyő, J., Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *Terrorism and Political Contention. New Perspectives on North Africa and the Sahel Region*. Cham: Springer Nature. Pp. 133–150.

Filin, N. 2022. The Green Movement in Iran: 2009–2010. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 571–592.

Filin, N., Khodunov, A., Koklikov, V. 2022. Serbian “Otpor” and the Color Revolutions’ Diffusion. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 465–482.

Goldstone, J. A.

2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56(1): 3–21.

2014. *Revolutions. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.

Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A.

2022a. Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 1–34.

2022b. The Phenomenon and Theories of Revolution. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 37–68.

Grinin, A., Grinin, L. 2024. Destabilization and World Order: Some Theoretical Issues. *Journal of Globalization Studies* 15(2): 134–154. DOI: 10.30884/jogs/2024.02.08.

Grinin, L.

2022a. Evolution and Typology of Revolutions. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 173–200.

2022b. On Revolutionary Situations, Stages of Revolution, and Some Other Aspects of the Theory of Revolution. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 69–104.

2022c. On Revolutionary Waves since the 16th Century. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 389–411.

2022d. Revolutions and Historical Process. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 707–723.

2022e. Revolutions of the 21st Century as a Factor in the World System Reconfiguration. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and*

the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Cham: Springer. Pp. 973–996.

2022f. The European Revolutions and Revolutionary Waves of the 19th Century: Their Causes and Consequences. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 281–313.

2022g. Evolution and Typology of Revolutions. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 707–723.

2022h. Revolutions and Historical Process. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 139–171.

2022j. Revolutions and Modernization Traps. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 219–238.

2026. Modernization as a Factor of Revolutionary Destabilization in Historical Process and in Modern Africa. *Journal of Globalization Studies* 17(1): 3–27. DOI: 10.30884/jogs/2026.01.01.

Grinin, L., Grinin, A.

2022a. Revolutionary Waves and Lines of the 20th Century. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 315–388.

2022b. Conclusion. New Wave of Middle Eastern Revolutionary Events in the World System Context. In Issaev, L., Korotayev, A., *New Wave of Revolutions in the MENA Region, Perspectives on Development in the Middle East and North Africa (MENA) Region*. Cham: Springer. Pp. 257–274. DOI: 10.1007/978-3-031-15135-4_12.

2022c. The Current Wave of Revolutions in the World-System and Its Zones. *Journal of Globalization Studies* 13(2): 178–197.

2026. Africa's Future: Global Engagement, Grand Challenges and Bright Prospects. In Dubey, A., Solomon, H. (eds.), *Africa's External Engagement Challenges and Opportunities* (in print).

Grinin, L., Grinin, A., Korotayev, A. 2022. 20th Century Revolutions: Characteristics, Types, and Waves. *Humanities and Social Sciences Communications* 9: 124. URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-022-01120-9>.

Grinin, L. E., Korotayev, A. V.

2012. Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505. DOI: 10.1080/02604027.2012.697836.

2015. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. New York: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-17780-9.

2020. Seven Weaknesses of the U.S., Donald Trump, and the Future of American Hegemony. *World Futures* 77(1): 23–54. DOI: 10.1080/02604027.2020.1801309.

2022a. Revolutions, Counterrevolutions, and Democracy. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 105–136.

2022b. The Arab Spring: Causes, Conditions, and Driving Forces. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 595–624.

2022c. The Future of Revolutions in the 21st Century and the World System Reconfiguration. *World Futures* 79(1): 69–90.

2022d. Revolutions, Counterrevolutions, and Democracy. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 105–136.

2024a. Is the Fifth Generation of Revolution Studies Still Coming? *Critical Sociology* 50(6): 1039–1067.

2024b. Discussion among the Fifth-Generation Circle. A Rejoinder to Mark Beissinger, Daniel Ritter, Valentine Moghadam, Egor Fain, and Alisa Shishkina. *Critical Sociology* 50(6): 1109–1141.

Grinin, L., Korotayev, A., Tausch, A. 2019. *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. Cham: Springer Nature.

Gurr, T. R. 1970. *Why Men Rebel*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Huntington, S. P.

1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven; London: Yale University Press.

1993. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, OK: University of Oklahoma Press.

Issaev, L., Khokhlova, A., Korotayev, A. 2022. The Arab Spring in Yemen. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 685–705.

Ivanov, E. 2022. Revolutions in Kyrgyzstan. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 517–547.

Katchanovski, I.

2023a. The Maidan Massacre Trial and Investigation Revelations and Their Implications for the Ukraine-Russia War and Relations. *Russian Politics* 8(2): 181–205. DOI: 10.30965/24518921-00802005.

2023b. The “Snipers’ Massacre” on the Maidan in Ukraine. *Cogent Social Sciences* 9(2): 2269685.

2024. Testimonies of Several Hundred Witnesses and 14 Self-Admitted Maidan Snipers. In Katchanovski, I., *The Maidan Massacre in Ukraine. The Mass Killing that Changed the World*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-031-67121-0_4.

Khodunov, A.

2022a. The Bulldozer Revolution in Serbia. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 447–463.

2022b. The Orange Revolution in Ukraine. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 501–515.

2022c. The Rose Revolution in Georgia. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 975–999.

Koehler, K., Albrecht, H. 2021. Revolutions and the Military: Endgame Coups, Instability, and Prospects for Democracy. *Armed Forces & Society* 47(1): 148–176.

Korotayev, A., Fain, E., Zinkina, J., Issaev, L. 2025. On Coupvolution: A Type of Revolutionary Episodes in the Modern West African Context. *Critical Sociology*. DOI: 10.1177/08969205251366848.

Korotayev, A., Grinin, L., Ustyuzhanin, V., Fain, E. 2025. The Fifth Generation of Revolution Studies. Part I. When, Why and How did It Emerge. *Critical Sociology* 51(2): 257–282.

Korotayev, A., Issaev, L., Malkov, S., Shishkina, A. 2013. Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring Events. *Central European Journal of International and Security Studies* 7(4): 28–58.

Korotayev, A., Khokhlova, A. 2025. Islamic Monarchies, Youth Bulges, and Socio-Political Destabilization. A Cross-National Investigation. *Comparative Sociology* 24(3): 327–350.

Korotayev, A., Meshcherina, K., Shishkina, A. 2018. A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis. *Democracy and Security* 14(4): 331–357.

Korotayev, A., Shadrova, A., Sokovnina, E., Kaygorodova, M., Musieva, J., Vasiliev, A. 2024. Echo of the Arab Spring in Asia: A Quantitative Analysis. *Journal of Globalization Studies* 15(1): 110–138.

Korotayev A., Shishkina A., Khokhlova A. 2022. Global Echo of the Arab Spring. In: Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer Nature. Pp. 813–849.

Korotayev, A., Vaskin, I., Bilyuga, S., Ilyin, I. 2018. Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis. *Cliodynamics* 9(1): 59–118.

Korotayev, A., Zinkina, J. 2011. Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *Entelequia. Revista Interdisciplinar* 13: 139–169.

Kostin, M., Korotayev, A. 2024. USAID Democracy Promotion as a Possible Predictor of Revolutionary Destabilization. *Comparative Sociology* 23(2): 240–278.

Kuznetsov, V. 2022. The Jasmine Revolution in Tunisia and the Birth of the Arab Spring Uprisings. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 625–649.

Mitchell, L. A. 2022. The “Color” Revolutions. Successes and Limitations of Non-Violent Protest. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 435–445.

Moll, Y. 2014. The Wretched Revolution. *Middle East Report* 273: 34–39.

Ortmans, O., Mazzeo, E., Meshcherina, K., Korotayev, A. 2017. Modeling Social Pressures toward Political Instability in the United Kingdom after 1960: A Demographic Structural Analysis. *Cliodynamics* 8(2): 113–158.

Rozov, N. 2021. Typology and Principles of Dynamics of Revolutionary Waves in World History. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 241–264.

Sawyer, P., Romanov, D., Slav, M., Korotayev, A. 2022. Urbanization, the Youth, and Protest: A Cross-National Analysis. *Cross-Cultural Research* 56(2–3): 125–149.

Springborg, R.

2015. *President Sisi's Delegative Authoritarianism*. N. p.: Istituto affari internazionali.

2016. Caudillismo along the Nile. *The International Spectator* 51(1): 74–85.

Tkachuk, M., Romanchuk, A., Timotin, I. 2022. “Moldovan Spring” 2009. The Atypical “Revolution” of April 7 and the Days that Followed. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 69–104.

Toronto, N. W. 2011. Egypt's “Coup-Volution”. *Middle East Insights* 6: 1–3.

Ustyuzhanin, V., Sawyer, P., Korotayev, A. 2023. Students and Protests: A Quantitative Cross-National Analysis. *International Journal of Comparative Sociology* 64(4): 375–401.